

Чувашский
государственный институт
гуманитарных наук

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

В.Н. КЛЕМЕНТЬЕВ

**ЧУВАШИЯ В СОСТАВЕ
НИЖЕГОРОДСКОГО/
ГОРЬКОВСКОГО
КРАЯ (1929—1936):
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ
И КРАЕВОГО
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады

Выпуск 40

В.Н. Клементьев

**ЧУВАШИЯ В СОСТАВЕ
НИЖЕГОРОДСКОГО/ГОРЬКОВСКОГО
КРАЯ (1929—1936):
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ АВТОНОМНОЙ
РЕСПУБЛИКИ И КРАЕВОГО
ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Доклад на научной сессии

Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы за 2024 год

Чебоксары — 2025

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6
К 48

Научный редактор **Е.В. Касимов**

Рецензенты:

И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник исторического направления
Чувашского государственного института гуманитарных наук,

Н.А. Казаков, кандидат географических наук,
доцент, заведующий кафедрой социально-экономической
географии и туризма Чувашского государственного
университета им. И.Н. Ульянова,

А.И. Минеев, кандидат исторических наук,
заведующий межфакультетской базовой лабораторией 1С
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Клементьев, В.Н.

К 48 **Чувашия в составе Нижегородского/Горьковского края (1929—1936): исторический опыт взаимоотношений автономной республики и краевого территориального образования / В.Н. Клементьев; науч. ред. Е.В. Касимов. — Чебоксары, 2025. — 48 с. — (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 40).**

Цель научного доклада — охарактеризовать роль и место Чувашии в экономическом районировании Волго-Камского региона в 1920-е гг. и связанного с ним создания Нижегородского края; показать административно-политические, национальные и социально-экономические взаимоотношения и взаимодействие автономной республики и краевого территориального образования.

УДК 94(470)
ББК 63.3(2)6

© Клементьев В.Н., 2025
© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2025

ВВЕДЕНИЕ

В истории Чувашской Республики был период, когда с 1929 по 1936 г. она входила в состав крупного территориального образования, административно-экономический район — Нижегородский (с октября 1932 г. Горьковский) край, наряду с Нижегородской губернией, Марийской автономной областью, Вятской губернией и Удмуртской автономной областью (последние две в декабре 1934 г. выделились в отдельный Кировский край).

Историография изучения истории образования и функционирования Нижегородского/Горьковского края довольно обширна. В советское время тему пребывания ЧАССР в краевом территориальном образовании авторы освещали ограниченно и узко, сведя ее к одному аспекту — помощи края в решении социально-экономических проблем автономии, и давали одностороннюю характеристику этому явлению¹. Исследователи совершенно игнорировали изучение проблем, без которых невозможно дать подлинную и объективную картину нахождения Чувашии в Нижегородском/Горьковском крае: роль и место автономии в процессах экономического районирования страны; обсуждение вопроса вхождения автономной республики в край; система взаимоотношений краевых и республиканских структур; реальный и неоднозначный характер экономического и социального взаимодействия края и автономной республики.

Открывшаяся с начала 1990-х гг. возможность без идеологической зашоренности объективного и всестороннего изучения поставленных проблем по большей части региональными историками так и не была реализована. Основной акцент они сделали на освещении вопросов экономической помощи и поддержки края в социально-культурном строительстве Чувашской автономии, трафаретно воспроизводя постулаты советской историографии². Вместе с тем проявились и новые подходы, отходившие от прежних канонов, авторы стали писать и указывать на противоречивый характер взаимоотношений республиканских и краевых органов и ведомств, которыми «не всегда учитывались национальные интересы» автономии³ и «развитие промышленности в автономиях края далеко не во всем имело исключительно поступательный характер»⁴, но при этом оставив за пределами анализа и критического переосмысления иные аспекты многостороннего взаимодействия Чувашской автономии и Нижегородского/Горьковского края.

С учетом сложившейся историографической ситуации и результатов научной разработки поставленной в докладе темы задача настоящего исследования состоит в том, чтобы дать исторически правдивую картину пребывания Чувашской автономии в Нижегородском/Горьковском крае: охарактеризовать принципы и ход экономического районирования Волго-Камского края, место Чувашии в этом процессе и организацию Нижегородского края; показать узловые моменты взаимосвязей автономной республики и краевого территориального образования, определившие их характер и содержание — система взаимоотношений краевых и республиканских институций и хозяйствующих субъектов, национальная политика краевых органов власти и управления, экономические и социальные аспекты взаимодействия автономной республики и края и его эффективность в решении стоявших в 30-е гг. XX в. перед Чувашской АССР актуальных проблем народнохозяйственного и социального развития.

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ ВОЛГО-КАМСКОГО РЕГИОНА. СОЗДАНИЕ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ

Вопросы экономического районирования страны были поставлены еще в первые годы советской власти и преследовали цель привести ее административно-территориальное устройство, доставшееся от царской России, в соответствие с задачами организации социалистической обобществленной плановой экономики. Исходя из этого посыла, актуальной стала идея экономического районирования страны, как коренного изменения ее административно-территориального деления на основе создания крупных хозяйственно-административных единиц — экономических районов. В декабре 1919 г. VII Всероссийский съезд Советов поручил ВЦИК «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР»⁵. Но в условиях Гражданской войны, угрозы распада Советской России выбор был сделан в пользу федеративного национально-территориального построения нового государства.

Переход в начале 1920-х гг. к мирному хозяйственному строительству, нэпу вновь актуализировал вопрос об административно-территориальной реформе «по экономическому признаку». Первые схематические наброски экономического районирования Советской России были даны в плане ГОЭЛРО, представленном

на VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.). Основанный на принципе «энергетического районирования», этот проект в завершённом виде намечал создание 10 экономических районов в связи с планируемым в них строительством электростанций государственного значения⁶; при этом работники Госплана на первый план выдвинули чисто экономические аспекты, недооценивая их взаимосвязь с национально-административными моментами. Один из главных его разработчиков инженер И.Г. Александров на одном из заседаний заявил: «Национальное объединение по существу мало рационально в экономическом отношении. Может быть, было бы возможно объединение национально-культурное, независимо от экономических районов»⁷.

В основу экономического районирования работники Госплана положили следующие подходы. Энергетический принцип, который трактовался таким образом: районирование должно быть связано с планом электрификации страны, районы представлять «комбинированную систему хозяйств, построенную на принципе их максимальной общей работоспособности». Принцип специализации района «в тех отраслях, которые могут быть развиты наиболее хорошо». Коммуникационный принцип — прочно «налаженные транспортные пути внутрирайонного характера..., связь районов между собой». Принцип экономической законченности — по своим природным, хозяйственным особенностям, «культурным навыкам населения» район должен представлять территорию «в основном однородную», «наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах». Принцип «ядер» районов или «центров тяготения» (в качестве таковых выделялись, как правило, крупные промышленные центры). Базовым условием экономического районирования признавалось «членение государства на такие области», которые обладали бы значительной степенью хозяйственной самостоятельности «с ограничением центра на местное хозяйство методами общего, нормативного характера». Выдвигалось и требование интегрального районирования — единство экономического и административно-территориального деления, комбинация разнородных районов, что создает одно хозяйственное и административное целое⁸.

В качестве районообразующих факторов признавались: совокупность экономических и природных особенностей, наличие природных ископаемых, уровни промышленного и сельскохозяйственного потенциалов, наличие опорных каркасов (ядер) и естественного экономического тяготения к ним включаемых территорий, профессионально-трудовой и культурный опыт населения, направление и характер путей сообщения и др.⁹

Указанные методологические принципы и подходы получили развитие в дальнейших разработках Госплана и были использованы образованной 10 ноября 1921 г. при Президиуме ВЦИК под председательством М.И. Калинина специальной Комиссией по районированию. К апрелю 1922 г. она выработала «Тезисы по вопросу об экономическом районировании России», утвержденные в мае 1922 г. III сессией ВЦИК X созыва. В основу районирования закладывался экономический принцип: в виде района выделяется «своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны», но не замкнутая, которая «представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства», позволяющая осуществить «целесообразное разделение труда» между ними. В отличие от проекта технократа И.Г. Александрова, отличавшегося определенным умозрительным схематизмом, план Комиссии по районированию учитывал сложившиеся политические реалии: необходимость сочетания экономического районирования и национально-государственного строительства. В тезисах проведение районирования увязывалось с «общими началами национальной политики» советского государства и соблюдением «принципа самоопределения» — содействовать всестороннему подъему народов страны; «послужить базой для наивысшего расцвета национальных объединений в хозяйственном отношении». В них указывалось, что границы автономий «при вхождении в экономическую область не нарушаются»; они входят или как подрайон, или как самостоятельный экономический район, или «самые обширные образуют в своем составе несколько районов»¹⁰.

Планом районирования ВЦИК устанавливалась следующая «предварительная схема разделения по районам». В Европейской части страны — 12 областей: Северо-Западная (центр в Петрограде), Северо-Восточная (Архангельск), Западная (Смоленск), Центрально-промышленная (Москва), Вятско-Ветлужская (Вятка), Уральская (Екатеринбург), Юго-Западная (Киев), Южная горнопромышленная (Харьков), Центрально-черноземная (Воронеж), Средне-Волжская (Самара), Юго-Восточная (Саратов), Кавказская (Владикавказ). В Азиатской России вместе с Дальневосточной республикой (Чита) — 9 областей¹¹. Территория бассейна рек Волги и Камы распределялась между тремя экономическими районами: Средне-Волжской, Юго-Восточной и Вятско-Ветлужской областями. В первую планировалось включить Самарскую, Ульяновскую, Пензенскую губернии, Татарскую и Чувашскую автономии; специализация области определялась как «район преобладающего развития сельского хозяйства зернового направле-

ния». Юго-Восточная область должна была сформироваться в составе Саратовской, Астраханской, Сталинградской губерний, Калмыцкой автономной области как «район аграрно-промышленный»; Вятско-Ветлужская область — объединить Вятскую губернию, Ветлужский и Краснобаковский уезды Нижегородской губернии, Вотскую и Марийскую автономные области «с намеченной к развитию на ее базе лесохимической промышленности»¹².

Проект экономического районирования, подготовленный центральными ведомствами, стал объектом серьезной критики на местах, прежде всего со стороны национальных автономий. Так, Башкирская АССР потребовала, чтобы автономные республики не включались в экономические районы, а считались отдельными экономическими районами. Татарстан, исходя из целесообразности «восстановления хозяйственного единения» Казанской губернии, выдвинул свой план экономического районирования России, в котором предлагал создание Волжско-Камско-Вятской области с центром в Казани в составе Татарской АССР, Чувашской, Марийской и Вотской автономных областей, Уржумского, Мамадышского, Сарапульского уездов Вятской губернии. Руководство Чувашии придерживалось позиции, что экономические районы «неизбежно будут тормозить развитие наций», создадут излишний бюрократический аппарат, поэтому «автономии не должны быть подчинены никаким районным и областным органам, кроме как всероссийским центральным органам»¹³.

Уже не отвергая со второй половины 1922 г. сам принцип экономического областного строительства, облисполком Советов Чувашской автономной области категорически высказался и против включения Чувашии в Средне-Волжскую область, и против проекта Татарской АССР о вхождении ЧАО в Волжско-Камскую область. Руководящий советский орган Чувашии представил в Госплан РСФСР соображения о возможности расширения юго-восточных границ Центрально-промышленной области с центром в Москве до Волжско-Сурского бассейна включительно, с тем чтобы Чувашская область с Нижегородской губернией отошли в состав указанного экономического района. Свое предложение о присоединении к Центрально-промышленному экономическому району власти Чувашии мотивировали необходимостью «скорейшей индустриализации Чувашской области»¹⁴. Поскольку этот замысел не нашел поддержки в Москве, 24 марта 1922 г. бюро Чувашского обкома РКП(б) и областной исполком Советов Чувашской автономной области вынесли резолюцию «настаивать перед Госпланом и СТО (Советом труда и обороны. — В.К.) о создании Верхне-Волжского района с центром

в г. Нижний Новгород, включив в этот район Чувашскую область, как автономную единицу, экономический подрайон...»¹⁵.

Итоги дискуссий на местах о сетке и составе экономических районов были обсуждены на совещании по областному строительству, созванному Госпланом РСФСР 13—14 апреля 1923 г., где отвергли чувашский проект о возможности образования Верхне-Волжской области с центром в Нижнем Новгороде, как объяснил представитель Госплана, нижегородцами достигнуто соглашение о включении Нижегородской губернии в Центрально-промышленный экономический район, и представитель Нижнего Новгорода уже работает в оргбюро области. Не было поддержано и другое предложение Чувашии — об отнесении ее к Центрально-промышленной области. Во-первых, это означало бы создать территориальную чересполосицу, а во-вторых, ЧАО «с естественноисторической и экономической сторон имеет мало общего с Центрально-промышленной областью»¹⁶, — разъяснили свою позицию работники Госплана.

Учитывая сложность задач, возражения и значительные поправки, поступавшие с мест, состоявшийся 17—25 апреля 1923 г. XII съезд РКП(б) высказался за осторожность и постепенность в практическом осуществлении реформы экономического районирования страны¹⁷. Приостановившиеся было работы по районированию возобновились с 1927 г., чему способствовали курс на индустриальную реконструкцию экономики, разработка проектов первого пятилетнего плана не только в отраслевом, но и территориальном разрезе. В феврале 1928 г. Государственные плановые комиссии СССР и РСФСР информировали местные плановые органы, что Госплан Союза «приступает к критическому пересмотру сетки 1921 года», и просили «выслать и высылать впредь все ваши материалы и соображения о пересмотре сетки 1921 года»¹⁸.

Отклонение от первоначальных проектировок при всей ясности критериев экономического районирования стало следствием компромисса со стороны центра с учетом интересов национальной и региональной элит. В ходе развернувшихся дискуссий в качестве альтернативы госплановским районированным областям были выдвинуты астраханский, сталинградский, саратовский, самарский, оренбургский, казанский и нижегородский проекты. Одними из первых инициировали свой проект экономического районирования нижегородские власти в декабре 1927 г. С их точки зрения предполагаемая к включению в Центрально-промышленную область Нижегородская губерния, «имеющая разнородное хозяйственное значение» с территориями ЦПО, могла бы стать основой для созда-

ния самостоятельного экономического района»¹⁹ с учетом того, что: 1) Нижний Новгород свое торгово-распределительное значение с каждым годом теряет и становится крупным промышленным центром; 2) Промышленность Нижегородской губернии резко отличается по своему характеру и по снабжению от индустрии Центрально-промышленной области; 3) Нижний Новгород «должен выполнить свою историческую роль организатора богатых сырьем районов на ближнем востоке, а именно: вятско-ветлужских, марийских и чувашских лесов...»; 4) Нижний Новгород является крупным пролетарским центром; 5) Экономическое тяготение к нему части Костромской и Владимирской губерний²⁰. 30 апреля 1928 г. бюро Нижегородского губкома ВКП(б) признало, что наличие ряда экономических и иных факторов позволяет приступить к разработке вопроса об организации на базе Нижегородской губернии крупной административно-территориальной единицы²¹.

Проект Нижегородского края, представленный в Госпланы СССР и РСФСР, включал как основные следующие административно-территориальные единицы: Нижегородскую, Вятскую, Костромскую (без Нерехтского уезда) губернии, Макарьевский и Юрьевский уезды Иваново-Вознесенской губернии, Муромский и Вязниковский уезды Владимирской губернии, Марийскую автономную область и Чувашскую АССР с общей численностью населения в 8390 тыс. чел. и территорией в 298 тыс. кв. км²². Значение и место Нижегородского края среди других экономических районов и его роль в межобластном сотрудничестве в РСФСР определялись как «промышленная и лесопромышленная область»²³.

Альтернативу нижегородскому плану являл проект образования Волжско-Камского края, продвигаемый властями Татарстана. Его создание обосновывалось тем, что автономии «не могут районироваться в общем порядке, установленном для неавтономных губерний РСФСР»²⁴. Озабоченность тем, что реализация госплановской сетки экономического районирования нарушит принципы национального самоопределения, «конституционную природу» автономной республики выражали и органы управления других АССР — Башкирской, немцев Поволжья²⁵.

Разрешению одной из сложнейших проблем в процессе экономического районирования — гармонизации принципов национально-территориального устройства и хозяйственно-административного деления — призвано было способствовать постановление Президиума ВЦИК от 28 июня 1928 г. «Об условиях вхождения автономных советских социалистических республик в состав районированных краевых (областных) объединений», которые предусматривали, что

оно должно обеспечить их национальное развитие, ускоренный социально-экономический рост, самостоятельное руководство экономикой, но на основе общехозяйственного краевого плана. Постановление устанавливало принцип добровольности вхождения и выхода АССР из районированного объединения, которые могут быть произведены не иначе как по решению республиканского съезда Советов с их утверждением Президиумом ВЦИК; сохранение в полной мере всех автономных прав, закрепленных законодательством; участие автономных республик в образовании и работе высших органов краевых объединений; в области бюджетного права категорически утверждало, что автономные республики независимы от краевых органов; в сфере юрисдикции декларировало нерушимость законодательных полномочий и сохранения функций автономной республики при ее вхождении в край²⁶.

1928 г. стал переломным в процессе образования областных (краевых) территориальных объединений. После ряда серьезных дискуссий в мае 1928 г. в центральных плановых органах сочли целесообразным «образовать Нижегородско-Вятскую область с центром в Нижнем Новгороде»²⁷. Решения руководящих плановых органов страны о внесении изменений в сетку районирования центральной России и о создании нового Нижегородско-Вятского края были аргументированы такими соображениями: Нижний Новгород в РСФСР четвертый по численности населения крупный промышленный, торгово-распределительный, культурный и пролетарский центр, который, в отличие от слабого в хозяйственно-финансовом отношении Вятско-Ветлужского края, составит «мощное образование с индустриальным уклоном» и дополнит ту «брешь, которая иначе будет между ЦПО и промышленным Уралом»²⁸. Включение в состав Нижегородско-Вятского края вятско-ветлужского лесного района, Марийской и Вотской автономных областей позволит преодолеть «разрыв тяжелой индустрии Нижегородской и Вятской губерний с железнодорожными заводами Вятской губ. и Вотской автономной области». Вместе с тем эксперты отмечали, что образование этого края диктует и целесообразность включения в него Чувашской АССР, которая по своим природным и экономическим особенностям «представляет собой территорию в значительной степени однородную» с ним (отсталое сельское хозяйство, аграрная перенаселенность, лесами покрыто около 40 % территории)²⁹.

С точки зрения сотрудников Госплана создание Нижегородско-Вятского края мыслилось, «как идея организации хозяй-

ственно-территориального комбината в пределах плацдарма Верхней Волги, Камы и Северной Двины» с производственной специализацией, базирующейся «на установках на широкое развертывание лесной, лесоперерабатывающей промышленности, металлообрабатывающей и железнорудной промышленности с выработкой высокосортной продукции (машиностроение), химической промышленности»³⁰.

Аналитики Государственных плановых комиссий дали отрицательное заключение на проект Волжско-Камского края в составе четырех автономий: его создание «чуждо началам экономического районирования, проникнуто местными интересами»³¹.

Юридически Нижегородская область была образована в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. в составе Нижегородской и Вятской губерний, Муромского уезда Владимирской губернии, Марийской и Вотской автономных областей. Согласно декретам Президиума ВЦИК от 22 апреля в него вошла Чувашская АССР, 3 июня присоединился Унженский лесной массив из Костромской губернии. 15 июля 1929 г. область была переименована в Нижегородский край с учетом вхождения в нее автономных областей и республик³². Площадь его территории составила около 280 тыс. кв. км с населением примерно 8 млн чел. По национальному составу русских в крае по переписи 1926 г. насчитывалось 77,7 %³³. Вновь организованный край представлял собой аграрно-индустриальный район. Отличительной чертой его экономики являлось, с одной стороны, наличие старинного промышленного центра (Нижнего Новгорода), а с другой, — неразвитой в индустриальном отношении национальной периферии. Так, удельный вес промышленности в ЧАССР составлял 7,7 %, ВАО — 6,4 %, МАО — 6 % (в Нижегородской губернии — 42,8 %, Вятской губернии — 22,4 %)³⁴.

Образование Нижегородского края стало отходом от первоначальной схемы экономического районирования страны, которой его создание не предусматривалось. Данный факт был вызван рядом обстоятельств. Вятско-Ветлужский район, вместо которого организовали Нижегородский край, был признан в экономическом отношении маломощным, в промышленном отношении недооформленным, малонаселенным; он не имел сильного центра, стягивающего окрестные территории. Во внимание приняли и этнополитический фактор: Нижний Новгород был способен в большей мере содействовать индустриальному и социальному развитию входящих в край национальных автономий.

2. ДИСКУССИИ ВОКРУГ ВХОЖДЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ УСЛОВИЙ ВКЛЮЧЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР В НИЖЕГОРОДСКИЙ КРАЙ

Основные дискуссии вокруг включения автономной республики в Нижегородский экономический район развернулись в Чувашии во второй половине 1928 г. между, фигурально выражаясь, «районистами» и «автономистами». Первые были сторонниками участия Чувашии в экономическом районировании. Вторые — за сохранение автономии вне областных территориальных образований, как самостоятельной административно-хозяйственной единицы.

Среди «районистов» относительно перспективы присоединения Чувашской АССР к тому или иному экономическому району определились три позиции: те, кто выступал за ее включение в Нижегородскую область, сторонники вхождения автономной республики в Волжско-Камский край и приверженцы Средне-Волжского края. В процессе обсуждения доминировала точка зрения первых, что проявилось на объединенном заседании бюро Чувашского обкома и президиума областной контрольной комиссии ВКП(б) 14 декабря и на совещании республиканского и партийного актива 15 декабря 1928 г. Их аргументы заключались в следующем: присоединение Чувашии к более продвинутой в экономическом и социально-культурном отношении Нижегородчине станет серьезным стимулом к всестороннему развитию ЧАССР; наблюдается общность хозяйственных признаков с входящими в Нижегородский экономический район Марийской и Вотской автономными областями, диктующая необходимость масштабной индустриализации и перехода к интенсивному сельскому хозяйству; сходство с экономической структурой самой Нижегородской губернии (в отношении земельной обеспеченности крестьян и пропорций культур в полеводстве в аграрной сфере, значительная доля лесопереработки и кустарной промышленности)³⁵. Ими указывалось и на то, что экономика Чувашии и Нижнего будут удачно сочетаться и дополнять друг друга: промышленный регион нуждается в сельскохозяйственной продукции, будет поглощать избыточную рабочую силу, способствовать подготовке национальных кадров и созданию новых отраслей промышленности в автономии (химической, электроэнергетики)³⁶.

Сторонники вхождения Чувашии в Нижегородскую область предлагали присоединение республики «связать с условиями» и предъявить «известную сумму требований», которые «должны быть

удовлетворены»: обеспечение более высоких темпов роста народного хозяйства и культуры автономии в экономическом районе, незыблемость конституционных прав и административных границ ЧАССР, проведение железнодорожной ветки Канаш—Чебоксары и установление железнодорожной связи с Нижним Новгородом, использование избыточных трудовых ресурсов и подготовка квалифицированных национальных рабочих кадров на промышленных предприятиях и предоставление земельных угодий и лесных массивов для переселенцев из Чувашии³⁷. Было высказано суждение об изменении названия экономического района — «лучше назвать край, а не область и именовать его “Верхне-Волжским”»³⁸.

Противники вхождения Чувашии в Нижегородскую область оспаривали сам принцип экономического приоритета при выборе экономического района. Так, по мнению начальника статистического управления ЧАССР М.С. Евграфова, «...в поисках дядюшки нужно руководствоваться не только тем, насколько он богат, но следует помнить и то, насколько этот дядя обеспечивает удовлетворение национальной политики партии [...]. Но Нижний, по-моему, не подходит. При всей проникнутости сознанием равенства национальностей граждане рослого крепкого великорусского края не сумеют выдержать это чувство к хилому грязному и робкому чувашину. Поэтому предлагаю присоединиться к Волжско-Камскому краю»³⁹. Сторонники этой административно-хозяйственной единицы приводили и такие доводы: Казань является культурным центром, который «обслуживает чуваш с давних времен»; «в Казани они себя чувствуют как в своем родном городе»; территориальная близость; в «Волжско-Камском крае национальный вопрос будет решаться правильно»; «сама масса вопрос ставит таким образом и говорит, что нужно присоединиться к Казани», так как «мы являемся стороной сельскохозяйственной... и отнесение нас к промышленному району само собой экономически не увязывается»⁴⁰.

Те же, кто заявлял о предпочтительности включения Чувашии в Средне-Волжскую область, главным образом апеллировали к тому, что там «сельское хозяйство имеет зерновое направление», и «крестьяне заинтересованы в том, чтобы у нас было достаточное количество производства зерновых культур»⁴¹.

В противовес «районистам» принципиальная позиция «автономистов» состояла в том, что Чувашия при вхождении в тот или иной экономический район больше потеряет, чем приобретет. Они тревожились о том, что изменится фактический политико-правовой статус республики и будут умиляться ее автономные

права: «в районированной области мы будем на положении округа» и даже «сведены к уезду»⁴², автономия лишится возможности обращаться и решать вопросы своего социально-экономического развития «непосредственно в центре», появится «лишняя передаточная инстанция в виде краевых органов»⁴³. Ставили они под сомнение и перспективы хозяйственного роста Чувашской АССР: «Если из центра мы сейчас получаем только помощь, то в будущем это может носить характер подачек»⁴⁴; в случае вхождения в Нижегородскую область Чувашия просто превратится в ее сырьевой придаток⁴⁵. Обращали внимание и на такое обстоятельство против участия ЧАССР в областном строительстве, как опасность умаления ее «национальных прав» и межэтнические конфликты — «если высказаться за присоединение к Казани, то здесь опасна татарская национальная политика, татарское засилье», если войти в Нижегородскую область, то будет иметь место «пренебрежительное отношение к чувашам»⁴⁶.

Вопрос о месте Чувашии в областном экономическом строительстве РСФСР обсуждался и на местах — районных партийных совещаниях, районных съездах Советов, которые, кроме Урмарского района, высказались за ее вхождение в Нижегородскую область⁴⁷, а также на собраниях в сельских поселениях и на страницах печати.

Завершила этап основных дискуссий XIII Чувашская областная конференция ВКП(б) (28 декабря 1928 — 5 января 1929 г.), которая признала нужным присоединение Чувашской республики к Нижегородскому экономическому району⁴⁸. Однако данное решение чувашских коммунистов требовало формального одобрения и правового оформления высшими советскими представительными органами ЧАССР. 10 января 1929 г. после незначительных прений с участием 8 чел. соответствующую резолюцию приняла V сессия ЦИК Чувашской АССР: исходя из интересов обеспечения хозяйственного и социально-культурного развития республики признать целесообразным вхождение Чувашской республики в состав образуемого Нижегородского края и вопрос о ее вхождении внести на предстоящий съезд Советов Чувашской АССР⁴⁹. 20—29 марта 1929 г. состоялся III съезд Советов Чувашской АССР, который, заслушав доклад председателя Президиума ЦИК ЧАССР Н.Л. Юшунева о месте Чувашской республики при экономическом районировании СССР и выступления четырех делегатов в прениях, утвердил 29 марта постановление «Об условиях вхождения Чувашской АССР в Нижегородскую область». Оно декларировало: республика входит в состав организуе-

мого экономического района на основе свободного волеизъявления трудящихся ЧАССР и праве добровольного выхода; сохранения ее автономных прав «как государственного образования и как федеративной части РСФСР» и «в полной силе всех прав, предоставленных ей Конституцией и законодательными актами РСФСР и СССР»; непосредственного «сношения по всем вопросам» с вышестоящими союзными и федеральными органами власти и управления. Документ устанавливал порядок экономических взаимоотношений автономии и районированной области: обеспечить усиление темпа культурно-хозяйственного роста и национального развития ЧАССР (расширение коренизации и создание рабочих кадров из чувашей); единство хозяйственного руководства правительством автономии на всей территории Чувашии «на основе общего хозяйственного плана Нижегородской области»; независимость бюджета ЧАССР от областных органов власти, который «прикладывается к областному бюджету как самостоятельная часть в цифрах, утвержденных ЦИКом Чувашской АССР»; выделение плановых показателей социально-экономического развития республики как «отдельного государственного образования» «в таких же планах РСФСР и Нижегородской области»⁵⁰.

Согласно требованиям законодательства и в соответствии с существующими юридическими процедурами 22 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК своим постановлением «О вхождении Автономной Чувашской советской социалистической республики в состав Нижегородской области» утвердил резолюцию III съезда Советов ЧАССР о ее вступлении в Нижегородскую область «на основаниях, указанных в постановлении Президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета от 28 июня 1928 г. “Об условиях вхождения автономных советских социалистических республик в состав районированных краевых (областных) объединений”»⁵¹.

3. ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРАЕВЫХ И РЕСПУБЛИКАНСКИХ СТРУКТУР В СОСТАВЕ НИЖЕГОРОДСКОГО/ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ: ПРАКТИКА И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Вхождение ЧАССР в Нижегородский край на практике актуализировало вопрос, активно обсуждавшийся еще на стадии проекта, о системе взаимоотношений институций и хозяйствующих субъектов автономии с краевыми органами и ведомствами. Уже в первые полгода нахождения Чувашии в крае проявились, как отмечалось на пленуме Нижегородского краевого комитета

ВКП(б) (16 декабря 1929 г.), «ряд недопониманий и ненормальностей» во взаимоотношениях краевых и органов автономии⁵². Прежде всего они дали знать о себе в посягательстве на сферу полномочий, компетенции и деятельности, в которых республика по закону являлась независимой от краевых органов, и в нарушениях последними ее автономных прав⁵³. Характерными явлениями в системе взаимоотношений органов власти ЧАССР и органов государственного управления края стали дублирование и «параллелизм» в управленческой деятельности, игнорирование руководящих республиканских инстанций; дача, минуя последних, распоряжений и указаний напрямую районным и местным советским и хозяйственным учреждениям⁵⁴.

Особенно отчетливо и грубо, с выраженным негативным воздействием для республики искажения проявились в сфере взаимодействия хозяйственных ведомств края и автономии, когда общим правилом стало то, что краевые отраслевые ведомства и кооперативные объединения по отношению к своим агентам в Чувашской республике вели «линию непризнания их конторами с автономными правами»⁵⁵. К примеру, Нижегородский крайпотребсоюз произвольно изымал средства и снижал лимиты для автономной республики, выделенные Центросоюзом⁵⁶. Крайснаб урезал фонды для ЧАССР, «несмотря на заграфное выделение этих фондов органами федерации и СССР»⁵⁷.

Необходимость гармонизации отношений между хозяйствующими и администрирующими субъектами автономной республики и края сделала чрезвычайно актуальной задачу выработки регулятивных норм во взаимоотношениях ЧАССР с органами Нижегородского края, поскольку постановление Президиума ВЦИК от 28 июня 1928 г. об условиях вхождения АССР в состав районированных краевых (областных) объединений давало только общие схематические и принципиальные установки, которые, как показала жизнь, нуждались в детализации и конкретизации с учетом существующих реалий. Еще 8 июля 1929 г. федеральный орган в лице Президиума ВЦИК принял решение о разработке руководящими инстанциями Нижегородского края и ЧАССР проекта постановления «по вопросу о взаимоотношениях автономных республик, вошедших в состав краевых (областных) объединений, с органами власти последних»⁵⁸.

Во ВЦИК от Нижегородского края были направлены два проекта нормативного акта о взаимоотношениях автономных республик в краях с органами власти последних: от властных органов ЧАССР и Нижегородского крайисполкома. Уже сравнение

самих названий чувашского варианта и проекта в редакции нижегородских властей показывает разницу их подходов. Чувашский проект назывался «Положение о взаимоотношениях высших органов власти АССР, входящих в состав краевых (областных) объединений, с соответствующими органами последних». Название нижегородского варианта звучало — «Положение о взаимоотношениях высших органов власти АССР, входящих в состав краевых объединений, и органов краевой власти». В последнем случае речь шла о взаимоотношениях высших органов автономной республики с любыми органами краевой власти, а не с равно статусными. И в других моментах проявились различия двух проектов, которые прежде всего происходили от стремления краевых институтов власти игнорировать политико-правовой статус автономной республики. В отличие от краевого территориального образования, которое, несмотря на свою величину, было лишь административной частью, автономная республика являлась государственным образованием, федеративной частью РСФСР и в таком качестве «не растворялась» в ее административных частях, сохраняя свою экономическую самостоятельность («хозяйственное лицо»), устанавливая прямые (а не через краевой исполком) связи с федеральным центром, обладая правом непосредственного сношения с федеральными органами⁵⁹.

Именно из указанных позиций и исходили авторы чувашского проекта. Как основу для регулирования административно-политических взаимоотношений они рассматривали известное постановление от 28 июня 1928 г., которое четко указывало на неприкосновенность прав автономной республики. В п. 14 чувашского проекта декларировалось, что вопросы государственного устройства «в компетенцию краевых органов власти не входят». Не столь однозначным в трактовке названных полномочий автономной республики был нижегородский вариант, п. 16 которого гласил: «АССР в разрешении вопросов их государственного устройства... самостоятельны». Примечательно и то, что проект нижегородцев содержал отдельное положение (п. 3), отсутствовавшее в чувашском варианте, которое указывало, что «краевой съезд советов и краевой исполнительный комитет осуществляют общее руководство АССР...»⁶⁰.

Тенденция к доминированию краевых органов над органами управления автономной республики проявилась и в сфере регулирования их полномочий. Чувашский проект недвусмысленно утверждал: п. 15 «Вопросы культурно-социального строительства, местного хозяйства, местного транспорта и административно-судебной деятельности также в компетенцию краевых (областных)

органов власти не входят, но увязываются на началах взаимности в тех случаях, когда они имеют общее для АССР и краевых (областных) объединений значение». Подход нижегородцев предусматривал (п. 17), что указанные вопросы «разрешаются правительством АССР... самостоятельно, но увязываются с краевыми органами в тех случаях, когда они имеют общее для АССР и краевых объединений значение». Применительно к регулирующей функции наркоматов и центральных учреждений РСФСР чувашский текст содержал специальное положение (п. 16), что они не должны «передоверять своих прав краевым (областным) отделам; последние увязывают свою деятельность с соответствующими органами АССР в случаях необходимости и на началах взаимности». Нижегородский проект касательно управления наркоматами и центральными учреждениями со стороны соответствующих органов РСФСР содержал положение (п. 18), что они осуществляют руководство «непосредственно», и ничего не говорил о роли краевых органов в процессе взаимодействия между органами РСФСР и АССР, тем самым создавая правовую базу для фактического руководства последними.

Основой согласования взаимоотношений в экономической сфере оба проекта называли общекраевой хозяйственный план, призванный, как указывалось и в чувашском варианте (п. 4), и в нижегородской редакции (п. 2), определить «такой темп хозяйственного и культурного развития АССР, который обеспечивает в кратчайший срок подтягивание отсталого хозяйства и культуры» к общему уровню «с учетом экономических и национально-бытовых особенностей АССР и необходимости обеспечения образования кадров национального пролетариата». И в чувашском, и в нижегородском проектах проводился принцип сохранения АССР своей экономической автономии. Оба проекта практически стереотипно указывали, что хозяйственные планы АССР включаются в общекраевые планы «в качестве особых частей». Вместе с тем по некоторым немаловажным моментам имелись и расхождения. Ссылаясь на Положение о бюджетных правах АССР от 28 февраля 1928 г. и на ст. 12, 13 постановления ВЦИК от 28 июня 1928 г., признававшие независимость от краевых органов власти бюджета автономной республики, который включается как самостоятельная часть в общий свод бюджета, чувашский проект дополнительно конкретизировал, что «годовые контрольные цифры бюджета АССР не подлежат утверждению краевых (областных) исполнительных комитетов» (п. 13). Тогда как нижегородцы ограничивались установлением,

что бюджеты АССР составляются и включаются в сводный бюджет краевых объединений с соблюдением правил, установленных вышеназванными нормативными актами РСФСР (п. 15). Явные отличия проявились в формулировках относительно положения предприятий, переданных в состав краевых трестов автономной республики. Чувашский документ (п. 19) утверждал, что они «могут быть постановлением правительственных органов АССР изъяты из состава последних». В п. 22 нижегородского проекта говорилось: вопрос о выходе предприятий АССР из состава трестов краевого значения «разрешается по согласованию обеих сторон; в случае несогласия вопрос переносится в высшие органы РСФСР»⁶¹.

19 марта 1930 г. в Москве прошло заседание комиссии при Президиуме ВЦИК по рассмотрению «Проекта Временного положения о взаимоотношениях органов власти АССР, входящих в состав краевых объединений, с органами власти последних» под председательством А.И. Досова с участием представителей Президиума ВЦИК, Госплана, наркоматов финансов и рабоче-крестьянской инспекции РСФСР и объединения сельскохозяйственной кооперации, а также уполномоченных от Нижегородского и Нижневолжского краев, Чувашской АССР и Автономной республики немцев Поволжья. Ею было принято решение образовать «рабочую тройку» из сотрудников Президиума ВЦИК, Госплана и Народного комиссариата РКИ РСФСР во главе с Г.Г. Клингером «для выработки сводного проекта» «Временного положения о взаимоотношениях...» на основе имеющихся текстов Нижневолжского, Нижегородского краевых исполкомов и ЦИКов ЧАССР и Немецкой автономной республики⁶².

Содержание текста Временного положения, подготовленного группой Г.Г. Клингера, показывало, что в его основу закладывался принцип приоритета краевого начала. В п. 1 документа декларировалось: «Взаимоотношения высших органов АССР и края в области проведения в жизнь политических, хозяйственных и социально-культурных задач строятся на основе общекраевого плана...». П. 2 устанавливал: «Правительства АССР осуществляют единство руководства всеми отраслями народного хозяйства и социально-культурного строительства на территории АССР на основе общекраевого плана». И в области административных взаимоотношений автономной республики и края предполагалось усиление роли краевых органов власти. Согласно п. 5 и п. 6 по предметам ведения общесоюзных наркоматов «органы власти АССР подчиняются постановлениям краевых органов власти», а по предметам

ведения объединенных наркоматов «проводят в жизнь постановления краевых органов власти».

Вместе с тем проект в редакции Г.Г. Клингера исходил из задачи обеспечения прав и интересов автономной республики в составе краевого территориального образования в соответствии с принятыми нормативными актами и актуальными тенденциями на текущий момент советской национальной политики. В документе говорилось, что автономные республики самостоятельны в вопросах государственного устройства, улучшения и коренизации государственного аппарата, установления структуры и штатов, организации местных Советов, и «означенные вопросы в компетенцию краевых органов власти не входят». Документ фиксировал хозяйственную автономию АССР. Он отмечал, что контрольные цифры по АССР включаются отдельными показателями в планы развития края «и выделяются особой главой в этом плане»; утвержденные правительством РСФСР плановые для автономной республики контрольные цифры «не могут быть изменены краевым исполнительным комитетом, необходимые коррективы вносятся по соглашению между АССР с краевым объединением». Также оговаривалась самостоятельность бюджетов АССР согласно положению о бюджетных правах АССР от 28 февраля 1928 г. и постановления Президиума ВЦИК от 28 июня 1928 г.⁶³

Проект Временного положения, разработанный рабочей группой Г. Клингера, был рассмотрен и в основном принят с учетом добавлений и изменений к нему, внесенных представителями Автономной республики немцев Поволжья и Чувашской АССР на заседании коммунистической фракции ВЦИК в конце марта 1930 г.: в п. 3 «улучшения и коренизации их государственного аппарата» добавить: «и кооперативного»; п. 8 изложить в следующей редакции: «При согласовании директив по составлению контрольных цифр определяется такой темп хозяйственно-культурного развития АССР, который, будучи выше общекраевого темпа, обеспечивал бы подъем отсталых отраслей их хозяйства и культуры, учитывал бы своеобразие форм хозяйственного развития автономных советских социалистических республик, вытекающее из их национально-бытовых и хозяйственных особенностей и обеспечивал бы быстрее создание кадров национальной промышленности как классовой базы советской власти в АССР»⁶⁴.

Однако проект Временного положения о взаимоотношениях АССР, входящих в состав краевых объединений, с органами власти последних, разработанный группой Г.Г. Клингера, и измененная его редакция, усиливавшая крен в сторону краевого начала,

подготовленная к началу 1932 г. ответственными сотрудниками Президиума ВЦИК А.С. Киселевым, А.С. Енукидзе, А.И. Досовым⁶⁵, не получил утверждения директивных органов РСФСР, и работа над ним не была доведена до своего логического завершения — принятия постановления Президиумом ВЦИК.

По мере усиления модели планово-директивной экономики идея и практика экономического районирования и регионального управления народным хозяйством входила во все большее противоречие с мобилизационной логикой пятилеток, с проведением индустриализации через отраслевые наркоматы. Кроме того, огромные по площади, населению и числу административных единиц экономические районы были плохо управляемы на основе принципов и методов административно-командной системы, требовавшей во всех случаях конкретизации и детализации управленческого процесса. И уже с 1932 г. пошел обратный процесс разукрупнения гигантских краев и областей: раздел Дальневосточного края на области в 1932 г., распад Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев, Уральской области, выделение Кировского края из Горьковского края в 1934 г. и его окончательная ликвидация в 1936 г.⁶⁶ В ситуации кризиса гигантомании в административно-территориальном делении страны, начавшегося распада экономических районов потерял свою актуальность и сам вопрос правового оформления взаимоотношений между входящими в края автономными республиками и краевыми органами власти.

4. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КРАЕВЫМИ ОРГАНАМИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В условиях полиэтнического Нижегородского края национальная составляющая являлась важнейшей частью жизнедеятельности краевого территориального образования, куда вошли со значительным количеством нерусского населения три автономии. По данным Нижегородской плановой комиссии на сентябрь 1930 г. в крае проживало 7 411 855 чел., из них русских — 5 674 292, чувашей — 671 653, удмуртов — 435 395, мари — 314 702, татар — 159 518, мордвы — 108 954, пермяков — 8292, прочих народов — 39 049 чел.; нерусское население составляло 23,44 % (чувашаи — 9,06 %, удмурты — 5,87 %, мари — 4,25 %, татары — 2,15 %, мордва — 1,47 %, пермяки — 0,11 %, прочие — 0,53 %)⁶⁷.

Общую стратегию и основные задачи реализации национальной политики в крае определила I Нижегородская краевая конференция ВКП(б) (5—10 августа 1929 г.): обеспечить скорейший перевод хозяйства национальных областей и республики на рельсы индустриального развития, форсировать задачу создания кадров национального пролетариата, преодоления в кратчайший срок культурно-экономической отсталости входящих в край национальностей, проведения коренизации и реализации национального языка в государственном аппарате, укрепление национальных областей и республики кадрами из националов и «научно-техническими силами»⁶⁸. Тема проведения национальной политики в крае специальным разделом выделялась в отчетных докладах и выступлениях его руководителей на партийных и советских краевых форумах, в которых указывалось на ее актуальные задачи, проблемы и недочеты. Достижение целей национального развития и подъема автономий, вошедших в состав края, виделось прежде всего как их социально-экономическая модернизация.

Отдельно обсудила вопросы осуществления национальной политики в крае и приняла резолюцию «Очередные задачи краевой парторганизации в проведении национальной политики» состоявшаяся в июне 1930 г. II Нижегородская краевая конференция ВКП(б). В ее решениях особо подчеркивалась необходимость решительной борьбы с великодержавным шовинизмом, как представляющим «особый вред», чьи пережитки «живут еще в головах наших советских работников», и вместе с тем ставилась задача искоренения местного национализма, который является «своеобразной формой обороны» против великодержавного шовинизма⁶⁹. Однако именно последний в начале 1930-х гг. провозглашался главной опасностью в сфере национальных и межнациональных отношений на всех краевых партийных и советских форумах и на страницах печати⁷⁰.

Для решения поставленных задач в области национальной политики и их воплощения в жизнь были созданы специальные краевые структуры: в декабре 1929 г. при крайкоме ВКП(б) комиссия о национальных кадрах и коренизации и комиссия по национальной политике во главе с первым секретарем А.А. Ждановым с задачей проанализировать многосторонние аспекты и выделить основные направления и узловые моменты национальной политики в крае⁷¹. К началу мая 1930 г. она разработала «Схему изучения и проведения национальной политики в крае»⁷². Согласно директивам II партийной краевой конференции о повышении роли партийных и советских органов в осуществлении националь-

ной политики 4 октября 1930 г. бюро краевого комитета ВКП(б) обсудило вопрос «О порядке осуществления повседневного контроля за проработкой и реализацией решений крайкома по вопросам национальной политики» и назначило ответственное лицо — секретаря краевого комитета партии А.Я. Столяра, возложив на него указанные обязанности⁷³. Еще в 1929 г. в составе агитационно-политико-пропагандистского отдела крайкома ВКП(б) стал функционировать национальный сектор, который возглавил направленный на работу в Нижегородский край чуваш В.А. Андреев, прежде секретарь Ядринского райкома партии. В соответствии с положением об этой организационной структуре она создавалась для объединения и руководства агитацией и пропагандой среди рабочих и крестьян национальных меньшинств края, разработки и постановки «перед партией вопросов партийного и советского строительства, вытекающих из бытовых и культурных особенностей этих национальностей, и для выполнения специальных заданий по отношению к ним крайкома ВКП(б) и его отделов»⁷⁴.

В краевом исполкоме Советов постановлением его президиума от 2 января 1931 г. выделили уполномоченного по делам национальных меньшинств, чьи обязанности возложили на одного из заместителей председателя краевого исполкома Советов, под руководством которого в мае 1932 г. в составе организационного отдела исполкома создали сектор по обслуживанию национальных автономий, а 11 апреля 1932 г. образовали отдел нацменьшинств при краевом исполкоме Советов в целях организации работ среди нерусских народов, проживающих вне автономий и в национальных районах края⁷⁵. В краевом отделе народного образования во главе с заместителем заведующего создали комитет по просвещению национальностей при Совете культурного строительства краевого исполкома Советов. В соответствии с положением об этом комитете, утвержденном 7 марта 1933 г., он организовывался в целях практического осуществления национальной политики в области содействия подъему культурного уровня национальных автономий и национальных меньшинств. В его задачи входило общее руководство «на основе единого плана всей культурно-просветительной работой национальностей края», контроль за просвещением национальностей и наблюдение за культурным обслуживанием национальных меньшинств в крае⁷⁶.

Кроме названных организационных подразделений в руководящих краевых партийных и советских органах в начале 1930-х гг. создавались в учреждениях и ведомствах края свои структуры, призванные осуществлять разнообразные формы и виды работ

по обслуживанию национальностей. В Нижегородском краевом суде и земельном управлении назначили специальных уполномоченных по работе с национальными меньшинствами⁷⁷; в краевом совете народного хозяйства выделили члена президиума, курирующего деятельность среди национальностей; в системе краевых органов сельскохозяйственной кооперации образовали особые функциональные ячейки; в крайживотноводсоюзе — отдельный сектор; в органах потребкооперации учредили институт уполномоченных по работе с национальностями⁷⁸.

Бюро краевого комитета ВКП(б) разрабатывало меры, направленные на всестороннее развитие национальностей, осуществляло постоянный мониторинг национальной ситуации в крае. К примеру, этот орган, утвердив план своих работ на период с 1 декабря 1929 по 1 мая 1930 г., включил в него пункты «О национальных кадрах и ходе коренизации аппаратов в национальных районах, областях и Чувашской АССР» и «Доклад Чувашского обкома о работе организации»⁷⁹.

Как одна из самых актуальных проблем осуществления национальной политики в крае, рассматривалась задача наполнения аппарата управления в автономиях представителями титульного этноса и подготовка национальных кадров. Краевые руководящие органы последовательно проводили линию на коренизацию и реализацию национальных языков в автономиях. Не ограничиваясь дачей общих указаний и установок, в отдельных случаях принимали конкретные решения. Так, 21 октября 1930 г., рассматривая вопрос «О директорах организуемых в крае машинотракторных станций», секретариат Нижегородского краевого комитета ВКП(б) предложил Чувашскому обкому ВКП(б) заменить кандидатуры русских и «выдвинуть трех чувашей кандидатов на директоров МТС»⁸⁰.

Исходя из цели скорейшего преодоления социокультурного отставания национальностей в крае в 1930 г. пленум краевого Совета по просвещению национальных меньшинств предложил форсированный вариант развертывания культурных мероприятий в национальных автономиях: первоочередное внимание уделить подготовке национальных кадров; увеличить расходы на создание национальных учебных заведений, которые «должны быть повышены по сравнению с русскими учебными заведениями»; уделить особое внимание «на усиленное снабжение нацменьшинств литературой на родном языке»; краевому отделу народного образования рекомендовать в планах культурного строительства края «уточнить и детализировать» меры по культурному обслуживанию национальностей⁸¹.

Наиболее последовательно и активно постановка целей и задач в сфере национальной политики краевыми органами осуществлялась в первые четыре года существования края. С 1934 г. наметились изменения в ее ориентирах в связи с усилением в советской стране курса на тоталитаризм и унитаризм. Симптоматичным стало появление резолюции Горьковского краевого комитета партии (9 апреля 1934 г.) «О русском языке в национальной школе», в которой критиковалось положение с преподаванием русского языка в общеобразовательных национальных учебных заведениях. Резонно говорилось, что следует повысить «действительную грамотность и знание русского языка учащимися». Однако при этом ничего не было сказано о необходимости использования родного языка в преподавании в национальных школах и, что особенно важно для понимания происходившей метаморфозы в этнополитике, перед партийными организациями ставилась задача «обеспечить самую непримиримую борьбу со всякими проявлениями националистических устремлений»⁸². Показательно и постановление IV Горьковской краевой партийной конференции (январь 1934 г.), в котором уже не говорилось о великодержавном шовинизме как о главной опасности и выдвигалось требование «окончательного разгрома как великодержавного шовинизма, так и местного национализма, имеющего за последнее время тенденцию к активизации»⁸³.

С 1934 г. и в последующее время происходит угасание и ликвидация деятельности краевых структур, ответственных за реализацию задач в сфере национальной политики. Так, о серьезной функциональной недостаточности в работе отдела национальных меньшинств Горьковского краевого исполкома Советов свидетельствовал факт, приводимый в его отчете Отделу национальностей при Президиуме ВЦИК (31 декабря 1933 г.): по утвержденному штату в отделе должны были быть заведующий, его заместитель и два инструктора; фактически же имелись всего 2 работника — заместитель заведующего и секретарь-информатор⁸⁴.

Мероприятия краевых органов в сфере национальных отношений в первый период существования края выражали характерный до середины 1930-х гг. демократизм общегосударственной советской национальной политики. В общем плане они ставили задачу приоритетного развития и достижения фактического равноправия нерусских народов в крае. Их инициировали, разрабатывали и внедряли — прежде всего крайком партии и краевой исполком Советов. Однако на уровне более низших звеньев партийно-государственного аппарата, а также краевых ведомств и учреждений, как следует из документов, «работа среди нацмен

недооценивалась»⁸⁵. Созданные для этой цели в различных хозяйственных и советских организациях согласно партийным директивам организационные структуры фактически бездействовали.

5. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМИИ И КРАЯ

В ходе интеграции Чувашии в краевое территориальное образование в качестве основополагающих моментов этого процесса выявились проблемы формирования региональной экономики, планирования, бюджетных отношений, развития индустрии и подготовки национальных профессиональных кадров. С созданием Нижегородского края со стороны его властей проявилось выраженное стремление к созданию общекраевого народнохозяйственного комплекса. Эту задачу четко артикулировал А.А. Жданов: «Мы должны предъявить требования к нашим национальным партийным и советским организациям, чтобы национальные автономии с гораздо большей тщательностью, с большей внимательностью и с большей активностью подошли к разрешению общекраевых задач...»⁸⁶. Указанную цель преследовали обсуждаемые планы реформирования экономического пространства края на основе регионально-производственного структурирования. В сентябре 1929 г. Нижегородская плановая комиссия выдвинула проект, который предусматривал разбить край на 5 экономических подрайонов: Промышленный в составе Большого Нижнего и Муромского округа с индустриальной специализацией, Северный лесной (Шарьинский и Вятский округа) — лесная промышленность и животноводство, Центральный земледельческий (Котельнический и Нолинский округа) — сельское хозяйство и льноводство, Вотский и Марийский земледельческий и лесной подрайон — сельское хозяйство и лесопереработка, Южный земледельческий подрайон (Чувашская АССР и Арзамасский округ) — зона отсталого сельского хозяйства⁸⁷. В последующем обсуждались и иные проекты «установления производственной специализации в разрезе районов... и особо по автономиям края»: по специализации сельхозпроизводства (территория Чувашии включалась в южный свиноводческо-картофельный и Приволжский молочно-садовый районы), по группам однородных по экономике (Чувашскую АССР предполагалось разбить на 4 района — молочно-овощно-зерновой, свиноводческо-картофельно-зерновой, зерново-свиноводческо-картофельный, молочно-зерново-табачный)⁸⁸.

Но все эти проекты так и остались на бумаге. Реализовать схему построения состоящего из специализированных экономических районов общекраевого хозяйственно-территориального комплекса не удалось прежде всего из-за установившегося господства отраслевого принципа управления экономикой.

Намерение укрепить общекраевые начала в сфере народного хозяйства проявилось и в курсе на усиление краевыми органами системы единого планирования. Постановлением от 6 июля 1930 г. «О составлении единого финансового плана» президиум Нижегородского краевого исполкома Советов указал краевому финансовому отделу составить сводный план по краю «с включением в территориальный план всего хозяйства, находящегося на территории края, независимо от его подчинения..., но с выделением Чувашской республики, Марийской и Вотской автономных областей»⁸⁹.

Однако правительство Чувашии стремилось к сохранению своей автономии при планировании и определению собственной стратегии развития. 30 октября 1929 г. представительство ЧАССР при Президиуме ВЦИК в письме в СНК РСФСР «По вопросу о выделении в планах РСФСР Чувашской АССР в отдельные графы», подчеркнуло, что «планы хозяйственного и культурного строительства ЧАССР в таковых же планах РСФСР должны выделяться в отдельные графы», но ряд центральных учреждений их «отдельно не выделяют» и дают «в составе соответствующих плановых показателях Нижкрая...», низводя таким образом фактический статус автономной республики «к положению обычного округа Нижегородского края». Представительство ЧАССР просило российское правительство дать распоряжение всем центральным органам РСФСР «о том, чтобы при составлении планов Чувашская АССР в составе Нижегородского края выделялась в особые графы»⁹⁰. Проблема отстаивания экономической самостоятельности автономной республики в общехозяйственных планах развития сохраняла свою актуальность весь период ее нахождения в крае. Так, в связи с обращением Чувашского обкома ВКП(б) бюро Горьковского крайкома ВКП(б) 23 ноября 1934 г. приняло специальную резолюцию «О выделении в планах, отчетах и др. материалах показателей по Чувашской АССР», в которой обязывало все краевые учреждения и уполномоченных центральных ведомств в крае при представлении планов, отчетов и других материалов «обязательно выделять показатели по Чувашской АССР»⁹¹.

Наряду с вопросами планирования, важнейшей проблемой в обеспечении комплексного развития народного хозяйства края и вместе с тем учета и протекции особых экономических интересов

автономной республики являлось регулирование и выстраивание корректных межбюджетных отношений краевого территориального образования с ЧАССР. Согласно нормативным положениям Чувашия как автономная республика обладала бюджетной самостоятельностью, и ее смета доходов и расходов утверждалась в Москве. Это правило соблюдалось. Однако, как выраженный дотационный субъект, автономия нуждалась в значительных финансовых вливаниях для реализации обширной программы хозяйственного развития. Краевые органы в такой ситуации выступали как регулятор межбюджетных отношений между федеральным центром и автономией. Так, 30 августа 1930 г. бюро Нижегородского краевого комитета ВКП(б), обсудив вопрос «О темпах роста местного бюджета на 1930/31 г.», постановило: «Считать невозможным рост бюджета по Чувашской республике ниже среднего республиканского и поручить фракции крайисполкома рассмотреть этот вопрос и войти с ходатайством перед правительством РСФСР»⁹².

В целом же, характеризуя межбюджетные отношения центра и национальных автономий, в одном из своих докладов Нижегородская краевая плановая комиссия вынуждена была заключить: «Работа краевых органов по подтягиванию уровня нацменьшинств к наиболее развитым промышленным округам края не встречает желательного отклика в центральных органах», с их стороны «наблюдается недооценка вопросов хозяйственного и культурного обслуживания нацменьшинств». В качестве доказательства приводились следующие факты. При обсуждении контрольных цифр Нижегородского края на 1930/31 г. в Госплане РСФСР объем капиталовложений для сельского хозяйства региона был определен в 87 600 тыс. руб., что давало 11,3 руб. в расчете на одного его жителя, при том что вся территория ЧАССР и часть МАО входили в полосу так называемого «кризисного района». Тогда как объем финансирования Ивановской области «только с русским населением» и более лучшим состоянием аграрного сектора предусматривал 76 900 тыс. руб., «дающего 17 руб. на одного жителя»⁹³.

Несмотря на финансовые ограничения со стороны центра, основной тенденцией в развитии бюджетных отношений в крае являлся постоянно растущий объем бюджетов ЧАССР и национальных областей и стремление обеспечить их увеличение «в размерах, превышающих общекраевой процент роста»⁹⁴. К примеру, на 1929/30 г. были предусмотрены цифры увеличения объемов местных бюджетов округов края без автономий на 28,7 %, а Чувашской АССР — на 45,8 %, Вотской АО — на 32,7 %, Марийской автономной области — на 31,7 %⁹⁵. Если душевые нормы

расходов составили в целом по краю в 1929/30 г. — 14 руб. 91 коп., то в ЧАССР — 20 руб. 64 коп., МАО — 19 руб. 89 коп. (в Вотской автономной области они были ниже общекраевого уровня — 13 руб. 52 коп.)⁹⁶. Уже в первый год пятилетки цифры роста капиталовложений по национальным автономиям были запланированы выше общекраевых: с ростом по краю в 1929/30 г., по сравнению с 1928/29 г., — на 250 %, тогда как в ЧАССР — на 292,6 %, МАО — 276,4 %, ВАО — 430,9 %⁹⁷ (фактический же рост затрат на промышленное капитальное строительство за этот период составил по ЧАССР 300 %, МАО — 176 %, ВАО — 207 %⁹⁸).

В ходе достижения заданий первого пятилетнего плана произошёл крупнейший рост индустрии национальных автономий. За годы I пятилетки основные производственные фонды промышленности Чувашской республики выросли на 827 %, Вотской (с 1932 г. Удмуртской) автономной области — на 740 %, Марийской автономной области — на 529 %, по краю — на 497 %⁹⁹. При этом объективная и взвешенная оценка приведенных цифр требует принять во внимание низкий исходный базовый уровень индустрии автономий накануне их вхождения в краевое образование.

В процессе промышленного развития края и национальных автономий возникали и серьёзные проблемы, вызванные как самой моделью резко форсированной индустриализации (погоня за количеством, низкие качественные показатели, штурмовщина, высокие издержки и социальная цена), так и различными структурными дисбалансами. Учредительные форумы края — I краевая конференция ВКП(б) и I съезд Советов Нижегородского края (август 1929 г.) — поставили как важнейшую политическую и экономическую задачу обратить особое внимание на индустриальное развитие национальной республики и областей посредством «переводки нового строительства в автономии...»¹⁰⁰. В годы I пятилетки основные промышленные новостройки сконцентрировались прежде всего в уже сложившихся индустриальных центрах края — Нижний Новгород, Балахна, Дзержинск, Выкса, Муром, Вятский район, Ижевск¹⁰¹. В таком территориальном разрезе распределялись и средства на капитальное строительство: к примеру, в 1929/30 г. они составили: в Большой Нижний 88 225 тыс. руб., Нижегородский округ — 58 301 тыс. руб., ЧАССР — 23 097 тыс. руб., ВАО — 17 191 тыс. руб.¹⁰² При этом почти 50 % капиталовложений в Чувашии приходилось на последний год пятилетки¹⁰³.

В ходе индустриализации возникла и такая проблема, когда со стороны краевых органов управления выявилось стремление «перехватить» и разместить на «своей территории» (в округах края)

престижные и сулящие большую экономическую выгоду промышленные объекты. В частности, это проявилось в вопросе о перспективах строительства волжской гидроэлектростанции. Если первоначально бюро Нижегородского крайкома ВКП(б) 15 января 1932 г. приняло предложение федерального Комитета содействия по строительству гидростанций, что «экономические обоснования, интересы развития водного транспорта и реконструкции Волги и перспективы индустриализации обуславливают создание станции в районе Чебоксар»¹⁰⁴, то постановлением от 28 июля 1932 г. этот же партийный орган одобрил «решение фракции крайисполкома по строительству гидростанции у Василева»¹⁰⁵ (Васильсурска. — В.К.).

О серьезных трудностях промышленной реконструкции автономной республики и о недостаточном учете ее интересов в крае со всей откровенностью поведал в докладной записке 23 декабря 1932 г. в Горьковский краевой комитет ВКП(б) ответственный секретарь Чувашского обкома партии С.П. Петров: строительство половины промышленных предприятий, предусмотренных плановыми заданиями пятилетки, утвержденных союзным правительством, не ведется, вследствие чего происходит недовыполнение других плановых показателей. «Если по плану на последний год пятилетки продукция промышленности в неизменных ценах запроектирована в 42 430 тыс. руб. и количество рабочих в 9400 чел., за 1932 г. ожидается фактическое выполнение соответственно в 29 575 тыс. руб. и 5700 чел. Это привело к сохранению огромного отставания Чувашии по индустриальному строительству от среднего по Горьковскому краю уровня. Так, на конец 1931 г. удельный вес рабочих в составе населения в рабочем возрасте по краю составляет 4,8 %, с автономиями — 3,6 %, по Чувашской АССР — 0,8 %; продукция государственной ценовой промышленности на душу населения без автономий — 172 руб., с автономиями — 129 руб., по Чувашской АССР — 21 руб.»¹⁰⁶, — констатировал С.П. Петров.

В этой же записке партийный лидер Чувашии указал и на то, что «целый ряд мероприятий» и промышленных объектов, строительство «которых имеет для развития народного хозяйства республики огромное значение... по контрольным цифрам на 1933 г. не приняты» краевыми органами. Среди них упоминалось сооружение железнодорожной линии Канаш—Чебоксары, «твердо, принятая к строительству в первом пятилетии», но так и не начатая; подготовка к возведению Чебоксарской гидроэлектростанции; ремонтно-механический завод в Чебоксарах, «энергокомбинат на базе горючих сланцев фосфоритов», цементный завод в Урмарах¹⁰⁷.

Критические оценки и негативные моменты в хозяйственном строительстве национальных автономий края были учтены его руководящими органами при разработке планов II пятилетки. 10 марта 1932 г. бюро Нижегородского краевого комитета ВКП(б) приняло решение о необходимости в связи с задачами второго пятилетнего плана «наиболее полного и всестороннего учета нужд хозяйственного и культурного развития нацавтономий, входящих в состав Нижкроя»¹⁰⁸. Проект второго пятилетнего плана, разработанный краевой плановой комиссией, предусматривал, что 35 % капиталовложений направляются на освоение северо-восточной части края и национальных автономий, в том числе в Чувашскую АССР — 7 %, МАО — 6,8 %, УАО — 7,3 %, всего они должны были получить 21,1 % всех капитальных вложений. Предполагалось, что в итоге реализации задач II пятилетки в крае, кроме существующих крупных промышленных узлов (Нижегородско-Дзержинского, Балахнинского, Приокского), получат значительное развитие и вырастут новые индустриальные центры — Ижевский машиностроительно-метизный, Марийский лесопромхимический и лесобработывающий, Вурнарско-Ибресинский лесохимический комплекс на основе использования сланцев и фосфоритов Чувашской республики, и в районе г. Чебоксары возникает электротехническая промышленность, металлургия и химия в связи с сооружением мощной электростанции на р. Волге. И таким образом ожидалось, что географически совершенно изменится индустриальный облик и хозяйственная структура края¹⁰⁹.

В Чувашии в годы II пятилетки произошел значительный рост ее индустрии. Так, валовая продукция промышленности достигла в 1936 г. 64,5 млн руб. против 32,5 млн руб. в 1932 г.; основные фонды промышленности составили на 1 января 1937 г. 55,3 млн руб. (на 1 января 1933 г. — 25,4 млн руб.), численность индустриальных рабочих — 9984 чел. Эти цифры привели в своем обращении в ЦК ВКП(б) и СНК СССР (начало 1937 г.) партийный лидер С.П. Петров и глава правительства Чувашии В.И. Токсин. Вместе с тем они указали, что, несмотря на эти достижения, промышленность автономии «развита еще крайне недостаточно»: рост ее валовой продукции в 1936 г. составил по сравнению с 1933 г. 152,7 % (в РСФСР — 194,9 %); удельный вес промышленных рабочих и служащих в населении ЧАССР на 1 января 1937 г. был 0,3 % (в СССР — 0,6 %); из предусмотренных вторым пятилетним планом 19 объектов промышленного строительства достроен лишь крахмальный завод и сооружаются Канашский вагоноремонтный завод и Алатырская гармонная фабрика. Таким образом,

ее огромные сырьевые, энергетические и трудовые ресурсы не были вовлечены в производство, и ЧАССР — «наименее развитая в промышленном отношении часть Советского Союза, значительно отстала в своем промышленном развитии от других областей и республик», — подытоживали руководители Чувашии¹¹⁰.

Все эти явления определили негативную оценку нахождения автономии в составе Нижегородского края частью партийно-государственного аппарата ЧАССР. Публично ее озвучил еще в январе 1934 г. на XVII областной партийной конференции ВКП(б) бывший нарком сельского хозяйства Чувашской республики И.Я. Морозов. В своем выступлении он указал, что «краевые органы зажимают, интересы Чувашии недоучитываются». Однако эту точку зрения подверг резкой критике С.П. Петров, как «отражение давления мелкобуржуазной стихии и националистических элементов», которые «малейшие недостатки и отдельные факты бюрократизма, имеющиеся в отдельных краевых органах, используют для обоснования своей теории, что Чувашия с вхождением в Горьковский край как республика не существует, что с Чувашии все берут, а ничего не дают»¹¹¹.

Стратегия ускоренного промышленного роста Чувашии самым непосредственным образом была связана с достижением целей резкого увеличения численности квалифицированных рабочих кадров, без чего невозможен был индустриальный скачок автономии. По данным на 1 ноября 1929 г., в ЧАССР рабочих ценовой промышленности было учтено 1259 чел. (из них чувашей 613 чел.), всех рабочих — 6186 чел. (из них чернорабочих 4000 чел.). Тогда как только на 1929/30 хозяйственный год в связи с заданиями I пятилетки требовалось одних строительных рабочих в количестве 7323 чел.¹¹² Исходя из сложившейся ситуации с огромным дефицитом квалифицированных рабочих кадров с 1930 г. начали осуществляться системные и масштабные мероприятия по их массовой подготовке через 2—3-месячные курсы. В качестве инструкторов-преподавателей на этих курсах в том числе были задействованы и квалифицированные рабочие, и инженерно-технические работники, прибывшие из индустриальных центров края в Чувашию для оказания содействия и помощи в возведении промышленных объектов. Так, в январе 1931 г. на строительство Козловского и Шумерлинского деревообрабатывающих комбинатов прибыли 10 специалистов с предприятий Нижнего Новгорода. В марте 1931 г. на Козловский комбинат было направлено 4 инженера и 10 квалифицированных рабочих с Нижегородчины¹¹³. Большая группа квалифицированных рабо-

чих с «Автостроя», Нижнего Новгорода и других городов края была привлечена к возведению в Шумерле комбината по изготовлению стандартных домов¹¹⁴.

Но все же основной формой массовой подготовки профессиональных рабочих кадров для Чувашии призваны были стать специальные учебные заведения профессионально-технического образования — прежде всего школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), а также школы ученичества массовых профессий (ШУМП). Накануне I пятилетки в Чувашской АССР имелось лишь три школы ФЗУ. В целях решения проблемы подготовки промышленных кадров для национальных автономий бюро Нижегородского крайкома ВКП(б) 22 сентября 1930 г. вынесло резолюцию «обеспечить прием в ФЗУ национальной молодежи из Вотской, Марийской автономных областей и ЧАССР»¹¹⁵. Согласно заявленной цели намечалось довести долю учащихся националов в краевых школах ФЗУ в 1931 г. до 25 %, в 1932 г. — до 41 %¹¹⁶. Реально же в 1931 г. их доля составила 11,6 %, в 1932 г. 22 % от всех учащихся¹¹⁷. Проводивший летом 1932 г. обследование состояния дел по вовлечению националов в школы фабрично-заводского ученичества и школы ученичества массовых профессий инструктор отдела нацменьшинств Нижегородского крайисполкома Советов С. Родионов вынужден был констатировать, что вопросы подготовки профессиональных рабочих кадров из националов в перспективных и оперативных планах краевых организаций и ведомств отражены «только с формальной стороны... цифры, указанные крайотделом труда по приему молодежи в ФЗУ и ШУМП, систематически не выполнялись»¹¹⁸.

В качестве одной из главных мер создания национального пролетариата рассматривалась и отправка на новостройки и крупные предприятия республиканского и союзного значения рабочих из коренных национальностей автономий для профессиональной их подготовки с обязательным возвращением на предприятия автономных республик и областей¹¹⁹. Одновременно таким способом стремились решить еще и проблему резко возросшей потребности в огромном количестве квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы для округов края. Краевыми органами формировались специальные плановые задания, носившие характер организованного набора рабочих, для удовлетворения потребностей предприятий и новостроек Нижегородчины.

На нужды промышленного строительства изымались прежде всего кадры квалифицированных строителей, остро дефицитных и столь необходимых для новостроек самой Чувашии. Так, согласно

требованиям нижегородских властей Президиум ЦИК ЧАССР 5 ноября 1930 г. принял решение «в трехдневный срок направить на работу в “Автострое” каменщиков 32 чел. и штукатуров 22 чел., и в дальнейшем специалистов, рабочих этих категорий направлять...»¹²⁰. По данным, приводимым в научной литературе, в 1930 г. на строительство промышленных объектов на территории Нижегородчины из Чувашии выехало около 3 тыс. чел. (в том числе 850 — на возведение автомобильного завода, 419 — на Чернореченское химическое предприятие, 105 чел. — на завод «Красное Сормово»), а в 1931 г. — 9576 чел. (на автозавод — 4719, «Красное Сормово» — 1024, в Волжское управление речного транспорта — 1516 чел.)¹²¹; трудящиеся Чувашии были задействованы в 20 крупнейших новостройках¹²².

Основная масса прибывших из Чувашии и автономных областей на строительство и для трудовой деятельности на предприятиях, не имея профессиональной подготовки, в большинстве своем из крестьянской молодежи, участвовали на вспомогательных и работах низшей квалификации. Целенаправленной и плановой работы по подготовке квалифицированных национальных кадров на предприятиях края в 1931 и 1932 гг. не проводилось, и «их квалификационное продвижение, хотя и осуществляется, но самотеком и абсолютно без всякого учета»¹²³, — сообщалось в информации заведующего сектором снабжения и подготовки рабочей силы краевого отдела труда Сокова. Так, на предприятиях Сормово из 4000 рабочих-националов лишь 72 чел., или 1,8 %, были охвачены технической учебой¹²⁴.

Недостаточный уровень работ и слабое исполнение указаний руководящих партийных и советских органов по созданию и укреплению пролетарского ядра из коренного населения автономий подвинули Президиум ВЦИК 10 декабря 1931 г. издать постановление «О выполнении директив партии и правительства по формированию национальных рабочих кадров в АССР и АО РСФСР», в котором перед краевыми и органами управления автономий и наркоматами РСФСР ставилась задача «принять совместно с профсоюзными организациями решительные меры к более быстрому выращиванию национальных кадров и закреплению их на промышленных предприятиях...» и обеспечить продвижение их на более ответственную работу в производстве¹²⁵.

Спустя год, в феврале 1933 г., отдел национальных меньшинств Горьковского краевого исполкома Советов осуществил проверку хода выполнения данного постановления на 7 крупных предприятиях («Красное Сормово», радиотелефонный завод, Черноре-

ченский химкомбинат и др.) и ряда иных производственных объектов края. Ее результаты свидетельствовали, что «правильного и достаточного учета нацработчих в крае не имеется ни в ведомствах, ни на предприятиях»; национальные рабочие «в большинстве состоят на низшей квалификации»; краевые ведомства и уполномоченные союзных наркоматов «крайне неудовлетворительно ведут работу по формированию рабочих кадров в промышленности»¹²⁶.

Задачи формирования и профессиональной подготовки рабочих кадров из титульного населения автономий имели не только экономическое и социальное измерение как показатель их экономического роста и усиления роли пролетариата в обществе, но и являлись составной частью советской национальной политики. Как «безобразное положение» охарактеризовал А.А. Жданов на III Нижегородской краевой партийной конференции явления, когда «высшие квалификации 5, 6, 7 и 8 разрядов заняты русскими рабочими»; кичливо пренебрежительное отношение, грубейшие проявления великорусского шовинизма на целом ряде предприятий (ругательные и обидные клички, стремление не пустить на квалифицированную работу, задержать профессиональное продвижение, насмешки над родным языком рабочих-националов)¹²⁷.

Конкретным свидетельством этих проявлений стали факты, приведенные в отчете заместителя заведующего отделом национальных меньшинств краевого исполкома Советов А.Ф. Федотовой. Когда в октябре 1931 г. на «Гидроторф» на работу прибыли 100 подростков-чувашей, то «тут же 35 чел. из них вынуждены были уехать, так как не было создано надлежащих культурно-бытовых условий. Русские рабочие всячески издевались над ними, избивали. Ребята овшивели, и все вместе взятое вынудило их покинуть «Гидроторф» [...]. Оставшиеся ребята влачили жалкое существование. Из 29 руб. получаемой стипендии 28 руб. уходило на питание. Говорить на своем родном языке ребята стесняются. Когда ученики школы ФЗУ чуваша вздумали написать и вывесить в общежитиях лозунги на родном языке, секретарь комсомольской ячейки тов. Родин заявил: «Не пишите, все равно никто читать не будет»»¹²⁸.

Важнейшая проблема, которую власти Чувашии рассчитывали решить при вхождении в край, заключалась в подготовке для автономной республики профессиональных кадров с высшим и средним специальным образованием, в которых она испытывала крайнюю нужду. В 1929 г. в промышленности ЧАССР работало всего 4, в капитальном строительстве — 14 дипломированных инженеров¹²⁹. Дефицит только школьных учителей в 1930 г. в Чувашии составлял 400 педагогов¹³⁰. Имеющаяся сеть средних профессиональных

учебных заведений в автономии в 1927 г. была представлена 7 педагогическими, 2 сельскохозяйственными, лесным, кустарно-промышленным и землеустроительным техникумами, в которых обучались около 1,5 тыс. учащихся, и не было ни одного вуза¹³¹.

Одним из способов решения проблемы острейшего дефицита квалифицированных кадров высшей и средней квалификации в различных сферах экономики и культуры Чувашии явилось оказание прямой помощи в виде отправки специалистов из Нижнего Новгорода по конкретным отраслям на работу в автономию. Так, в 1931 г. по разрядке краевых органов 39 выпускников педагогических вузов Нижнего Новгорода и Вятки были распределены в автономию края, из них 10 специалистов в Чувашию¹³² (при том, что в ЧАССР в 1930/31 учебном году насчитывалось 1015 школ I ступени и 62 школы повышенного типа¹³³). В этом же году Нижегородский краевой отдел здравоохранения командировал в Чувашию 20 врачей и 42 чел. среднего медицинского персонала¹³⁴. Летом 1933 г. из городов и районных центров края в сельскую местность ЧАССР прибыли 63 доктора и 87 чел. среднего медперсонала¹³⁵.

Однако кардинально острая потребность Чувашии в высококвалифицированных специалистах могла быть решена не иначе как путем их массовой подготовки и обучения в профессиональных учебных заведениях высшего и среднего звена. Между тем из 1498 чел., принятых на учебу в высшие учебные заведения края в 1930 г., так называемые «краевые нацмены» (чуваши, удмурты, мордва и татары) составили 78 чел., или 5,2 %, тогда как их доля в населении краевого территориального образования была около 24 %¹³⁶. И как писала в связи с данными фактами газета «Нижегородская коммуна»: «Наши вузы... они общекраевые, но, судя по итогам приема осени этого года, они не превратились в общекраевые»¹³⁷. Ею же отмечалось, что высшие учебные заведения края нисколько не были озабочены вопросом «по продвижению националов на научную работу» и не имели на этот счет планов и разработанных мероприятий¹³⁸.

Результаты приемной кампании 1930 г. в вузы Нижнего Новгорода стали предметом разбирательства на заседании секретариата Нижегородского краевого комитета ВКП(б) 21 октября 1930 г., где констатировали, что «совершенно недостаточен процент националов по институтам» (особенно машиностроительному и строительному), и указали, чтобы в следующем году обеспечить «решительное увеличение националов в составе институтов»¹³⁹. Меры по решению поставленной проблемы были определены в резолюции президиума Нижегородского краевого исполкома Советов

от 12 апреля 1931 г. «О подготовке кадров для национальных автономий и районов в краевых учебных заведениях гор. Н.-Новгорода». Краевому отделу народного образования с участием руководителей вузов и техникумов предлагалось «установить твердый процент приема националов на 1931/32 уч. г., исходя из необходимости максимального вовлечения националов в учебные заведения края»¹⁴⁰. 13 мая 1931 г. вышло еще одно постановление вышеназванного краевого органа власти «Об установлении норм приема националов в краевые учебные заведения», оно утверждало правило зачисления абитуриентов из краевых национальностей «в процентах к общему приему» в учебные заведения края. К примеру, в педагогическом, механико-машиностроительном вузах устанавливалась 20 % квота, медицинском — 23 %, сельскохозяйственном — 27 %, инженерно-строительном институтах — 15 %; рабфаках (педагогическом, сельскохозяйственном, строительном, медицинском, механико-машиностроительном) — 35 %; техникумах: промышленно-экономическом, дорожно-строительном — 20 %, кооперативном, индустриальном — 15 %, медицинском, музыкально-театральном — 10 %. В постановлении ставилась задача «обеспечить 100 % выполнение установленных норм»¹⁴¹.

Реально заявленных целей в полном объеме достигнуть так и не удалось. По итогам приема 1931 г. доля студентов-националов в вузах составила: в механико-машиностроительном — 9 %, медицинском — 19 %; хотя в педагогическом и строительном институтах она оказалась даже выше установленных норм, соответственно — 24 % и 19 %¹⁴². В 1932/33 учебном году доля краевых националов среди студентов Горьковского пединститута была 8,5 % (чувашей 4,1 %), медицинского — 8,0 % (4,6 %), сельскохозяйственного — 10,8 % (5 %), механико-машиностроительного — 2,5 % (0,9 %), инженерно-строительного — 3,9 % (2,7 %), химико-технологического — 4 % (1,8 %), речного транспорта — 3,3 % (1,6 %), Сормовского педагогического институтов — 9,2 % (7,0 %); в техникумах: промышленно-экономическом — 6,5 % (5,3 %), кооперативном — 2,9 % (1,1 %), музыкально-театральном — 2,1 % (0 %), медицинском — 14,1 % (4,6 %), коммунальном — 4,5 % (3,3 %), ферма-техникум — 14,6 % (8,5 %), связи — 8,2 % (2 %), водном политехническом — 2,2 % (1,3 %), дорожного строительства — 4,8 % (2,2 %), торгово-заготовительном — 5,3 % (4 %), финансово-экономическом — 9,1 % (8,5 %)¹⁴³. Итоги зачисления в вузы и техникумы г. Горького в 1933 г. также свидетельствовали о неудовлетворительном состоянии по приему студентов из националов: их доля

ни в одном из вузов и ссузов не достигла установленной для них квоты¹⁴⁴.

На начало 1936 г. в вузах Горьковского края обучалось 188 чувашей, в то время как в высших учебных заведениях Москвы — 219, Ленинграда — 180, Куйбышевского края — 137 чувашей¹⁴⁵. При этом значительная их часть, оканчивая столичные и краевые учебные заведения, не возвращалась в Чувашию; краевые органы не направляли этих выпускников в национальную республику¹⁴⁶.

В конечном итоге решать проблему подготовки профессиональных кадров прежде всего среднего и низшего звена для своих нужд Чувашии пришлось, опираясь главным образом на собственные силы, путем открытия в автономной республике профессиональных учебных заведений и роста числа обучающихся в них. К концу II пятилетки в ЧАССР функционировали 4 вуза (1132 студента) и 25 техникумов¹⁴⁷. Если в течение I пятилетки школами ФЗУ Чувашской АССР был подготовлен 401, то в период II пятилетки — 3671 квалифицированный рабочий¹⁴⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

— Планы экономического районирования страны, выдвинутые в начале 1920-х гг., преследовали цели привести ее административно-территориальное деление в соответствие с экономическими потребностями страны, задачами строительства плановой социалистической экономики. В процессе обсуждения и реализации на практике этих проектов они подверглись существенной коррекции с учетом реалий: уже сложившегося федеративного национально-территориального устройства советского государства, а также интересов региональной номенклатуры. В связи с чем, в частности, был образован не предусмотренный первоначальным замыслом Нижегородский край — экономическая и административно-территориальная единица на территории Волго-Камского региона.

— Отход от жесткого принципа экономического детерменизма в ходе осуществления районирования прежде всего явился уступкой национально-политическим требованиям автономий, зафиксированным в правовых актах о районированных краевых (областных) объединениях: сохранение конституционных прерогатив, бюджетной самостоятельности, приоритетное и ускоренное социально-экономическое развитие автономий в краевых территориальных образованиях. Эти условия соответствовали общему трен-

ду советской национальной политики в 1920-е — первой половине 1930-х гг., направленному на ликвидацию фактического неравенства народов страны путем их быстрой модернизации.

— Вхождение Чувашской АССР в Нижегородский край стало своего рода добровольно-принудительным актом, поскольку он уже был предрешен в Центре, но вместе с тем сопровождался необходимыми демократическими процедурами: публичными и широкими обсуждениями и де-юре оформлен постановлением высшего органа автономной республики.

— Несмотря на то, что это действие официально обосновывалось тем, что Чувашия в составе мощного территориально-хозяйственного комплекса под его опекой и при опоре на экономическую поддержку полнее сможет реализовать свои экономические, социально-культурные и национальные потребности, заявленные цели решались неэффективно. Так, в ходе осуществления индустриализации автономная республика фактически оказалась во «втором эшелоне» по сравнению с прежней Нижегородской губернией. Низким коэффициентом полезного действия характеризовалось достижение крайне важной для Чувашии цели подготовки национальных квалифицированных рабочих и профессиональных кадров. Чувашская АССР стала поставщиком массовой рабочей силы для промышленных объектов Нижегородчины, немного получая взамен, если не считать участия единичных специалистов оттуда на строительстве первенцев индустриализации в ЧАССР. В краевых профессиональных учебных заведениях была очень незначительная доля учащихся из чувашей. В реальной практике взаимоотношений краевых и республиканских учреждений и ведомств четко проявлялась тенденция к нарушению прав автономии.

— Так и не сумев раскрыть свои потенциальные возможности и достигнуть поставленных перед ними целей, уже с 1932 г. начался распад гигантских хозяйственно-административных единиц в виде районированных краев и областей. Причинами этого процесса стала смена экономической модели развития советской страны. Идея и практика экономического районирования начала реализовываться в условиях нэпа, представлявшего собой гибридный вариант рыночной и плановой экономики. Произошедший на рубеже 1920—1930-х гг. поворот в экономической политике, связанный с резко форсированной индустриализацией, массовой и принудительной коллективизацией, утвердил модель планово-директивной экономики, основой которой стали директивное планирование, сверхцентрализация, ведомственно-отраслевое

управление, лимитировавшие роль территориального начала*. В силу этого не сформировалась объективная база в виде краевого (областного) единого народно-хозяйственного комплекса для эффективного функционирования экономических районов. Окончательно утвердившаяся в 1930-е гг. командно-административная система строилась на усилении прямого воздействия руководящего центра на каждое звено управления и чем меньше был объект управления, тем большей бюрократической опеке он подвергался, что и являлось критерием эффективности управления.

— Конституция СССР 1936 г. упразднила фактически существовавший дуализм в административно-территориальном устройстве страны, разделенной по экономическому признаку на хозяйственно-административные единицы, и на национальные административно-территориальные единицы. В Основном Законе Советского Союза не упоминался Горьковский край, а среди субъектов Российской Федерации в качестве ее отдельных частей назывались Горьковская область и Чувашская АССР. Этот конституционно зафиксированный политико-правовой статус ЧАССР разрешил двойственное положение автономной республики, укрепил ее субъектность как федеративной части РСФСР, устранив между ними промежуточное звено.

* В Чувашии по формам подчинения основная часть продукции в 1937 г. выпускалась предприятиями союзной (СССР) промышленности (76,9 %). На долю республиканского (РСФСР) подчинения приходилось 6,5 %, областного (ЧАССР) — 13,9 % предприятий (История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. I. 1861 — июнь 1941 г. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. С. 178).

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

¹ *Гусев Т.Г.* Помощь трудящихся Горьковского края Чувашской АССР в социалистическом строительстве // Ученые записки ЧГПИ. Вып. XIII. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1961. С. 181—209; *Михайлов П.М.* Братская помощь рабочего класса Горьковского края в социалистическом преобразовании Чувашии // Образование СССР — торжество ленинской национальной политики. Научная сессия: тезисы докладов и сообщений третьей секции — «Патриотическое и интернациональное воспитание трудящихся». Чебоксары, 1982. С. 56—58; *Шарков В.Г.* Роль русских рабочих в формировании национальных отрядов рабочего класса в Нижегородском (Горьковском) крае (1929—1936 гг.) // Роль русского рабочего класса в формировании рабочего класса автономных республик РСФСР: межвуз. сборник. Чебоксары: ЧГУ, 1984. С. 54—62; *Сергеев Т.С.* Вклад трудящихся Горьковского края в просвещение и культуру нерусских народов региона в период строительства социализма // Социалистическая революция и социалистическое строительство в Волго-Вятском регионе: межвуз. сборник. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1985. С. 92—100; и др.

² *Львов Д.Н.* Помощь Нижегородского (Горьковского) края в создании промышленности Чувашской Республики: историографический обзор // Проблемы истории национальных республик Поволжья и Приуралья: сб. статей. Чебоксары: Чуваш. ун-т, 1997. С. 58—68; *Алексеев Б.Л.* Помощь горьковчан в экономическом и культурном развитии Чувашской Республики (1926—1936 гг.) // Экономическая, политическая и духовная трансформация Приволжского федерального округа: в 2 ч. Ч. 2. Чебоксары, 2001. С. 217—228; *Чернышова А.В., Рзаев Э.Э.* Чувашская автономия в составе Нижегородского-Горьковского края (1929—1936 гг.): характер взаимодействия партийных органов // Исторический поиск. Т. 1. № 4. 2020. С. 104—112.

³ *Минеева Е.К.* Эволюция системы органов государственной власти в РСФСР в условиях формирования национально-территориальных автономий (1920—1930-е гг.) // Изменение системных координат российской государственности: исторические дилеммы и содержательные вызовы: материалы III Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 9 февраля 2012 г.). Чебоксары, 2012. С. 35.

⁴ *Минеева Е.К., Минеев А.И.* Инновации в организационном процессе развития промышленности в Чувашской АССР (1928—1936 гг.) // Проблемы модернизации России: история и современность: сб. статей. Всерос. научно-практич. конф. (Чебоксары, 22 апреля 2011 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. С. 143.

⁵ Вопросы экономического районирования: сб. материалов и статей (1917—1929 гг.). М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1957. С. 55.

⁶ *Аламтiev П.М.* Экономическое районирование СССР. М.: Госпланиздат, 1959. С. 78—79.

⁷ Там же. С. 99.

⁸ Вопросы экономического районирования. С. 70, 71, 91, 305—306; *Аламтiev П.М.* Указ. соч. С. 98, 100.

⁹ *Латышов Р.Т., Лагунова Э.А.* Управленческий аспект районирования на Урале в 1920—1930-е годы // Историко-педагогические чтения. 2006. № 10. С. 170.

¹⁰ Вопросы экономического районирования. С. 102—104.

¹¹ Там же. С. 104—105.

¹² Там же. С. 313—316.

- ¹³ *Клементьев В.Н.* Чувашия и проекты укрупнения регионов РСФСР в первой половине 1920-х гг. // *Чувашский гуманитарный вестник.* 2006. № 1. С. 24.
- ¹⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-125. Оп. 2. Д. 6. Л. 338; В областном ЭКОСО // Чувашский край. 1922. 19 октября.
- ¹⁵ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. П-1. Оп. 4. Д. 2. Л. 3.
- ¹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 127. Л. 57.
- ¹⁷ XII съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923. Резолюция о районировании // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1984. Т. 3. 1922–1925. С. 88–89.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 95. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 26.
- ²⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 54. Л. 18.
- ²¹ *Фадеева Л.А.* Из истории административного районирования в РСФСР (1928–1930 гг.) // *Исторические записки.* Т. 44. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. С. 18.
- ²² К организации Нижегородской области (обоснование проекта). Нижний Новгород: Изд. Нижегород. губисполкома, 1928. С. 3, 16.
- ²³ Нижегородская область (краткая характеристика). Нижний Новгород, 1928. С. 8.
- ²⁴ Вопросы экономического районирования применительно к Волжско-Камскому краю. Из трудов комиссии по районированию при Госплане Татарской СС республики. Казань: Красный печатник, 1928. С. 4.
- ²⁵ *К.* Условия вхождения автономных республик в краевые объединения // *Власть Советов.* 1928. № 28–29. С. 4; ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 95. Л. 13.
- ²⁶ Бюллетень Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. 1928. № 23. 12 июля. С. 363–365.
- ²⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 54. Л. 19 об.
- ²⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 2. Д. 95. Л. 39.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же. Л. 49.
- ³¹ Там же. Ф. Р-147. Д. 611. Л. 123.
- ³² Административно-территориальное деление и органы власти Нижегородского края — Горьковской области. 1929–1979: справочник. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1984. С. 7, 8.
- ³³ Нижегородская область (информационная справка) // *Известия Временного бюро ЦК ВКП(б) Нижегородской области и Нижгубкома ВКП(б).* 1929. № 1. С. 22.
- ³⁴ *Очерки истории Горьковской организации КПСС.* Ч. 2. 1918–1941. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1966. С. 206.
- ³⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 2. Л. 224–334; Д. 42. Л. 8–9, 22–24.
- ³⁶ Там же. Л. 3–4, 24–26, 35–39.
- ³⁷ Там же. Л. 89–93, 224–334.
- ³⁸ Там же; *Бахмутский М.* К какому экономическому району присоединиться? // *Трудовая газета.* 1928. № 45. 23 декабря. С. 1.
- ³⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 42. Л. 4.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2. Л. 215–217; Д. 42. Л. 26–28.
- ⁴¹ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 55. Л. 376, 379.
- ⁴² ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 2. Л. 128.
- ⁴³ Там же. Д. 42. Л. 8.

- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 2. Л. 128, 214—215; ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 1. Д. 46. Л. 238.
- ⁴⁷ ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 9. Д. 2. Л. 224—234.
- ⁴⁸ Чувашская областная организация КПСС. Хроника. 1898—1990: в 2 кн. Кн. 1 (1898—1955). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 89.
- ⁴⁹ Сборник узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Чувашской автономной социалистической советской республики и важнейших декретов и постановлений правительства РСФСР. 1929. № 2. С. 106.
- ⁵⁰ Постановления III (VIII) Всечувашского съезда Советов Чувашской автономной советской социалистической республики (Чебоксары, 20—29 марта 1929 г.). Чебоксары: Издание ЦИКа ЧАССР, 1929. С. 35—37.
- ⁵¹ Законы и постановления о Советах Чувашской АССР (1920—1987): документы и материалы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 99.
- ⁵² Пленум краевого комитета ВКП(б). Прения по докладом тт. Пахомова и Комиссарова // Нижегородская коммуна. 1929. № 291. 18 декабря. С. 2.
- ⁵³ ЦАНО. Ф. Р-4569. Оп. 1. Д. 1881. Л. 1, 3; *Пред. крайКК-РКИ Осьмов*. Об извращениях в практике руководства учреждениями ЧАССР со стороны отдельных краевых органов. Постановление объединенного заседания президиума крайКК ВКП(б) и коллегии РКИ // Нижегородская коммуна. 1931. № 132. 15 мая. С. 2.
- ⁵⁴ *Окунев С.* Борьба за улучшение госаппарата в Чувашии // Нижегородская коммуна. 1931. № 143. 26 мая. С. 2; ГАСИ ЧР. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 82. Л. 67; Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-4569. Оп. 1. Д. 1881. Л. 24.
- ⁵⁵ ЦАНО. Ф. Р-4569. Оп. 1. Д. 1881. Л. 21.
- ⁵⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 468. Л. 256.
- ⁵⁷ Там же. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 783. Л. 39 об.
- ⁵⁸ Там же. Д. 640. Л. 25.
- ⁵⁹ *Еремеев М.* Районирование РСФСР и автономные республики // Советское строительство. 1928. № 10. С. 16.
- ⁶⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 640. Л. 77—78.
- ⁶¹ Там же. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 334. Л. 50—53.
- ⁶² Государственный архив общественно-политической истории Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 336. Л. 6.
- ⁶³ Там же. Л. 7—11.
- ⁶⁴ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 640. Л. 103.
- ⁶⁵ Там же. Л. 113.
- ⁶⁶ *Добрынин Н.М.* Российский федерализм: становление, современное состояние и перспективы. Новосибирск: Наука, 2009. С. 64.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 781. Л. 51.
- ⁶⁸ Резолюция об очередных задачах краевой партийной организации // Резолюция первой Нижегородской краевой партийной конференции и конспект доклада об итогах конференции (5—10 августа 1929 г.). Нижний Новгород, 1929. С. 40.
- ⁶⁹ Очередные задачи краевой парторганизации в проведении национальной политики: Резолюция II краевой партконференции по докладу тов. Столяра // Известия Нижегородского краевого комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). 1930. № 11—13. С. 35.
- ⁷⁰ С краевого агитпропсовещания. Очередные задачи партийной агитации (из доклада тов. Бармина) // Нижегородская коммуна. 1929. № 186. 15 августа. С. 3; *Андреев В.* В борьбе с великодержавным шовинизмом и местным нацио-

нализмом растет и крепнет наш край // Нижегородская коммуна. 1930. № 285. 1 декабря. С. 3; Очередные задачи краевой парторганизации в проведении национальной политики. Резолюция II краевой партконференции по докладу тов. Столяра // Известия Нижегородского краевого комитета Всесоюзной коммунистической партии (б). 1930. № 11—13. С. 35; *Валин Б.* Ленинская национальная политика в крае в решениях II краевого съезда Советов // Нижегородская коммуна. 1931. № 118. 29 апреля. С. 2; *Жданов А.* Отчет о работе краевого комитета ВКП(б) III Нижегородской краевой партконференции. Нижний Новгород: краевое изд-во ОГИЗ, 1932. С. 52.

⁷¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 5. Л. 83, 228 об.; ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 252. Л. 6.

⁷² ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 252. Л. 1.

⁷³ Там же. Д. 189. Л. 163.

⁷⁴ ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 564. Л. 75.

⁷⁵ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 401. Л. 77—78.

⁷⁶ Там же. Д. 1588. Л. 8—9.

⁷⁷ Там же. Д. 401. Л. 55; ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 781. Л. 51.

⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 781. Л. 51.

⁷⁹ План работ бюро крайкома ВКП(б) с 1 декабря 1929 г. по 1 мая 1930 г. // Нижегородская коммуна. 1929. № 282. 7 декабря. С. 1.

⁸⁰ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 6. Л. 189.

⁸¹ *В.* Культурная пятилетка края и национальный вопрос // Нижегородская коммуна. 1930. № 224. 19 сент. С. 2.

⁸² ГОПАНО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 2601. Л. 125.

⁸³ Резолюция IV Горьковской краевой партийной конференции по отчетному докладу краевого комитета ВКП(б) // Горьковская коммуна. 1934. № 26. 1 февраля. С. 3.

⁸⁴ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1751. Л. 67.

⁸⁵ Там же. Д. 1056. Л. 9.

⁸⁶ *Жданов А.А.* Между двумя конференциями. Отчет о работе крайкома ВКП(б). Нижний Новгород: Госиздат, 1930. С. 87.

⁸⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 222. Л. 123.

⁸⁸ Протокол № 27 заседания президиума Нижкрайисполкома 12 апреля 1930 г. Нижний Новгород: Тип. Нижкрайисполкома, 1930. С. 19; *Сытин М.* Специализация сельскохозяйственного производства Нижегородского края // Нижегородский край. 1931. № 1—2. С. 70.

⁸⁹ Протокол № 35 заседания президиума Нижкрайисполкома 6 июля 1930 г. Нижний Новгород: Тип. Нижкрайисполкома, 1930. С. 12.

⁹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 640. Л. 58—58 об.

⁹¹ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 26. Л. 159.

⁹² Там же. Д. 6. Л. 138 об.

⁹³ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 781. Л. 77.

⁹⁴ Бюллетень Нижегородского краевого исполкома. 1931. № 3—5. С. 35.

⁹⁵ Материалы к отчету Нижкрайкома ВКП(б) (за период с I по II краевую партконференцию). Нижний Новгород: Госиздат, 1930. С. 54.

⁹⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 781. Л. 74.

⁹⁷ Пленум краевого комитета ВКП(б). Контрольные цифры народного хозяйства и социально-культурного строительства Нижегородского края. Доклад тов. Пахомова // Нижегородская коммуна. 1929. № 290. 17 декабря. С. 2.

⁹⁸ Год строительства. Материалы к отчету Нижегородского крайисполкома на II краевом съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Нижний Новгород: Госиздат, 1931. С. 6.

⁹⁹ Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план края на 1933 г., первый год второй пятилетки. Доклад тов. Н.И. Пахомова на пленуме Горьковского крайкома ВКП(б) 20 января 1933 г. // Горьковская коммуна. 1933. № 21. 26 января. С. 3; Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Ч. I (1920—1950 годы): сб. докладов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 139.

¹⁰⁰ Резолюции первой Нижегородской краевой партийной конференции и конспект доклада об итогах конференции (5—10 августа 1929 г.). Нижний Новгород, 1929. С. 48, 50; Первый Нижегородский краевой съезд Советов Р.К. и К.Д. 9—13 августа 1929 г. Резолюции. Нижний Новгород: Изд. Нижегород. крайисполкома, 1929. С. 9.

¹⁰¹ *Томасов М.* Капитальное строительство в 1931 г. // Коммунист. 1931. № 1—3. С. 19.

¹⁰² *Томасов М.* Подготовка к капитальному строительству в 1929—30 гг. // Нижегородский край. 1930. № 1/2. С. 10.

¹⁰³ Пленум краевого комитета ВКП(б). Прения по докладу тов. Пахомова // Нижегородская коммуна. 1930. № 183. 2 августа. С. 2.

¹⁰⁴ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 15. Л. 13 об.

¹⁰⁵ Там же. Д. 16. Л. 4 об.

¹⁰⁶ ЦАНО. Ф. Р-2627. Оп. 1. Д. 950. Л. 8.

¹⁰⁷ Там же. Л. 8—8 об.

¹⁰⁸ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 22. Л. 90 об.

¹⁰⁹ *Гольдман.* Основные задачи конференции по размещению производительных сил // Нижегородская коммуна. 1932. № 131. 6 июня. С. 2.

¹¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-147. Оп. 1. Д. 1154. Л. 30—31.

¹¹¹ *Петров С.П.* Чувашия к 17-му съезду партии. Доклад о работе ОК ВКП(б) на 17 областной партконференции 8 января 1934 г. Чебоксары: Чувашпартиздат, 1934. С. 173—174.

¹¹² *Андреев В.* В автономиях. К вопросу о национальных кадрах // Известия Нижегородского краевого комитета Всесоюзной партии (б). 1930. № 4—5. С. 12.

¹¹³ *Гусев Т.Г.* Роль рабочего класса Горьковского края в социалистическом строительстве Чувашской АССР (тезисы) // Горьковский государственный педагогический институт им. М. Горького. Ученые записки. Вып. 50. Сер. историческая. № 8. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1965. С. 58.

¹¹⁴ *Алексеев Б.Л.* Указ. соч. С. 220.

¹¹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 6. Л. 161 об.

¹¹⁶ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1750. Л. 18—18 об.; История индустриализации Нижегородского-Горьковского края (1926—1941 гг.): документы и материалы / сост. З.К. Звездин, Н.И. Куприянова. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1968. С. 182; *Федотова А.* Формирование кадров национального пролетариата в Горьковском крае // Горьковский край. 1933. № 5—6. С. 63.

¹¹⁷ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1604. Л. 17.

¹¹⁸ Там же. Д. 1046. Л. 88.

¹¹⁹ *Такоев Сим.* Развернуть работу по формированию национальных рабочих кадров // Власть Советов. 1932. № 8. С. 13.

¹²⁰ Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Ч. I (1920—1950 годы): сб. документов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 94—95.

¹²¹ История промышленности и рабочего класса Чувашии. Ч. I. 1861 г. — июнь 1941 г. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1978. С. 153.

¹²² *Сергеев Т.С.* Роль города Горького в культурном подъеме чувашского народа // 750-летие г. Горького: материалы науч. конф. (г. Горький, 23—24 сентября 1971 г.). Горький, 1973. С. 76.

- ¹²³ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1750. Л. 7 об.
- ¹²⁴ Там же. Д. 1056. Л. 31.
- ¹²⁵ О выполнении директив партии и правительства по формированию национальных рабочих кадров в АССР и АО РСФСР. Постановление Президиума ВЦИК по докладу Отдела национальностей // Власть Советов. 1932. № 8. С. 12.
- ¹²⁶ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1750. Л. 126—128.
- ¹²⁷ *Жданов А.* Отчет о работе краевого комитета ВКП(б) III Нижегородской краевой партконференции. С. 51—53.
- ¹²⁸ ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1056. Л. 3.
- ¹²⁹ *Егоров Н.Е., Сергеев Т.С.* Из истории подготовки кадров массовых профессий и специалистов со средним и высшим образованием // Из истории культуры Чувашской Республики 1917—1985: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1992. С. 68.
- ¹³⁰ *Сергеев Т.С.* Культура Советской Чувашии: К 70-летию автономной республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1989. С. 105.
- ¹³¹ *Егоров Н.Е., Сергеев Т.С.* Указ. соч. С. 65.
- ¹³² *Никитин Н.П.* Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР на примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917—1937 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 136.
- ¹³³ Культурное строительство в Чувашской АССР: сб. документов. Кн. 1. (1917—1937 гг.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. С. 201.
- ¹³⁴ *Сергеев Т.С.* Социалистическая культура Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. С. 94.
- ¹³⁵ *Сергеев Т.С.* Культурное строительство в Советской Чувашии в годы предвоенных пятилеток (на материалах колхозной деревни). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1976. С. 113.
- ¹³⁶ *В.А.* Еще раз о подготовке национальных кадров // Нижегородская коммуна. 1930. № 273. 17 ноября. С. 3.
- ¹³⁷ Там же.
- ¹³⁸ *Уразаев Фазик.* Подготовка нацкадров на большевистские рельсы // Нижегородская коммуна. 1931. № 118. 29 апреля. С. 2.
- ¹³⁹ ГАСИ ЧР. Ф. П-2677. Оп. 1. Д. 7. Л. 100 об.—101.
- ¹⁴⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-202. Оп. 3. Д. 46. Л. 70. об.
- ¹⁴¹ Там же. Л. 105.
- ¹⁴² ЦАНО. Ф. Р-2626. Оп. 1. Д. 1056. Л. 29.
- ¹⁴³ Там же. Д. 1598. Л. 40.
- ¹⁴⁴ Там же. Л. 78—79.
- ¹⁴⁵ *Никитин Н.П.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. Р-354. Оп. 1. Д. 468. Л. 244.
- ¹⁴⁷ *Никитин Н.П.* Указ. соч. С. 135.
- ¹⁴⁸ *Симулин А.М.* Социалистическая индустриализация и формирование национальных кадров рабочего класса Чувашии (1928—1937 гг.) // Рабочий класс СССР — ведущая сила социалистического и коммунистического строительства (на материалах Чувашской АССР). Чебоксары: [б. и.], 1972. С. 48.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Методологические принципы и проекты экономического районирования Волго-Камского региона. Создание Нижегородского края	4
2. Дискуссии вокруг вхождения и определение основных условий включения Чувашской АССР в Нижегородский край	12
3. Вопросы взаимоотношений краевых и республиканских структур в составе Нижегородского/Горьковского края: практика и правовое регулирование	15
4. Основные направления и организационные формы реализации государственной национальной политики краевыми органами применительно к Чувашской республике	21
5. Экономические и социальные аспекты взаимодействия Чувашской автономии и края	26
Заключение	38
Литература и источники	41

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научные доклады
Выпуск 40

КЛЕМЕНТЬЕВ Владимир Николаевич

**Чувашия в составе
Нижегородского/Горьковского края
(1929—1936):
исторический опыт взаимоотношений
автономной республики
и краевого территориального образования**

Доклад на научной сессии
Чувашского государственного института
гуманитарных наук по итогам работы
за 2024 год

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Верстка *Э.В. Кирилловой*

Подписано к печати 28.01.2025. Формат 60×84¹/16.
Печать оперативная. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,79. Уч.-изд. л. 2,76.
Заказ № 2. Тираж 50 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1